

ЖИВЯЯ

КНИГА

СЕВЕРНЫЙ КРАЙ

Общественно-политический еженедельник

Основана 3 сентября 1986 года.

№ 20 (502)

9 МАЯ 1995 года

Цена свободная.

ЧАСТЬ I

СУРОВЫЕ ВРЕМЕНА СУРОВОГО КРАЯ

МЫ НЕ ЗАБЫЛИСЬ ВЕКОВЫМИ СНАМИ,
И ВСЯКИЙ РАЗ У ВЕЧНОГО ОГНЯ
ВАМ ДОЛГ ВЕДИТ СОВЕТОВАТЬСЯ С НАМИ,
ТАК КАК В БИТВЕ ГОТОВЫ КЛОНЯ
ВРАГОВ ПОД СТОЛБЕНЫ И ОБЕДЕСТАЛОВ
И, В ОКНАХ СВЕГ ПОКУДА НЕ ПОГАС,
МЫ ВСЕ — ОТ РЯДОВЫХ ДО ГЕНЕРАЛОВ —
НАХОДИМСЯ НЕЗРИМО СРЕДИ ВАС.

Раиса Гамзатов.

Районный Совет ветеранов

СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕТ ВСЕХ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, ТРУЖЕНИКОВ ТЫЛА, ОТДАВАВШИХ СВОИ СИЛЫ РОДИНЕ ПОД ЛОЗУНГОМ «ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!»

Никогда не сотрется в памяти
потомков ваш подвиг!

Вечная слава павшим!

Заботу и внимание живым!

День Победы — в Тольке

Накануне праздничных торжеств по случаю 50-летия Победы в Великой Отечественной войне, работники толькинского ДК, преподаватели школы искусств, средней школы готовят программу мероприятий, посвященных этому юбилею.

В дни торжеств — 8 и 9 мая жители села на сцене преобразившегося Дома культуры смогут увидеть выступления детей, занимающихся в детской студии «Казачок», руководитель С. В. Фурс, услышать музыкальные произведения клас-

сиков и современных композиторов в исполнении учащихся школы искусств.

Праздничный «Огонек» для ветеранов войны и труда готовит Л. Э. Лебедева, художественный руководитель ДК. Спонсором этого мероприятия выступит отдел соцобеспечения. Кроме того, для толькинцев готовятся народные гуляния на центральной площади села с музыкой, ярмаркой-распродажей товаров и шашлыками.

Т. ЧЕРНЫШОВА.

„ИЗ ОДНОГО МЕТАЛЛА ЛЬЮТ МЕДАЛЬ ЗА БОЙ, МЕДАЛЬ ЗА ТРУД“.

Многомиллионное население земного шара готовится встретить праздник Победы, который увенчал 50 лет назад величайшую из войн всех времен и народов — войну с фашизмом, а для советских людей — Великую Отечественную войну.

Война была действительно Великая и Отечественная. Великая по размаху, так как в нее было втянуто свыше ста государств, великая по количеству жертв, она унесла десятки миллионов человеческих жизней, великая по тому горю, которое принесла людям; даже полвека спустя в каждой советской семье скорбят о погибшем или умершем от ран отец, брате, сыне.

За 50 лет многое изменилось в жизни общества. Не стало мировой системы социализма, не стало социализма вообще, не стало СССР, КПСС. Историками, философами идет осмысление и переосмысление истории. Одни пытаются объяснить поочередно итоги второй мировой войны, роль и участие в ней стран антигитлеровской коалиции — СССР, США, Англии и Франции, другие ищут «истинных» виновников развязывания войны. Но никому не удается уловить роль советского народа в разгроме фашизма, огромной ценой человеческих жизней, неизмеримыми страданиями, колоссальными материальными разрушениями заплатившего за спасение мира от коричневой чумы.

По зову сердца, велению совести миллионы людей добровольно ушли на фронт защищать от врага свое Отечество, свою большую и малую Родину. Все остальные не менее героически козали победу в тылу. Трудились сутками в жару и холод, зачастую под открытым небом с одной мыслью, с одним желанием — обеспечить всем необходимый фронт, своим трудом внести посильный вклад в победу над врагом.

Только один наш маленький по численности район отправил на фронт свыше 300 мужчин в возрасте от 18 до 55 лет. Многие ушли добровольцами, приписав себе возраст. Из всех воювавших более по лавине погибли. Наши посланцы воевали на всех фронтах, принимали участие в защите Москвы, Ленинграда, Курска, Орла, Сталинграда, принимали участие в освобождении Европы и самой Германии от фашизма.

На Ленинградском и Прибалтийском фронтах сражался Владимир Алексеевич Сайготин. Возвратился живым, имеет награды — Ордена Славы второй и третьей степени, Орден Великой Отечественной войны первой степени, медали, которыми он отмечен за личное мужество и героизм проявленные на фронте, и трудовое отличие после войны.

Участвовали в боях и вернулись домой с победой Александр Тихонович Аристов, Аркадий Филатович Андреев, Борис Иванович Смирнов, Иннокентий Николаевич Девиндук, Петр Яковлевич Каргачев, Екатерина Илларионовна Храмова, Филипп Ефимович Носков.

Но не всем суждено было вернуться с Победой и дожить до ее золотого юбилея. Не дождался своих родных и близких: Тамелькича Вера Михайловна, Кайносов Николай Александрович, Смирнова Зинаида Николаевна, Морозова Анна Васильевна, Саргаева Елена Николаевна и многие другие.

В неизмеримо трудных условиях козали победу в тылу, зачастую еще подростками, чаще это были женщины и молодежные девчухи. За свой ратный труд они, как и их отцы, мужья, братья награждены орденами и медалями «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд». Вот их имена: Казекова Тамара Петровна,

(Окончание на стр. 2).

Казалось, такое невозможно...

Марию Гавриловну БОЯКИНУ, как и многих других, война разлучила с любимым мужем Ефремом Николаевичем Ириковым, отняла четырёх несовершеннолетних детей - три сына и дочь умерли от дифтерии. Эпидемия тогда бушевала по всей стране. Не пала духом молодая, крепкая женщина, продолжая самоотверженно трудиться ради Победы. Казалось бы, что такое горе невозможно перенести, но она нашла в себе силы, чтобы жить дальше. Вместе с отцом держали более десяти оленей, охотились, рыбачили, работали в колхозе. На каждую бригаду план давали: сколько рыбы выловить, какое количество пушнины добыть... И все старались. Конечно, уставали сильно, но правила военного времени очень жёсткие. Да и само население понимало, зачем это нужно... После окончания войны только единицы возвратились домой. Жизнь шла своим чередом, потеряв близких, не создала другую семью, ибо в её сознании был жив образ мужа. Всегда надеялась на чудо - вдруг он вернётся. Так и время пробежало. Братья её тоже на фронт ушли и остались там. Один серьёзно раненый скончался по дороге домой... Постепенно после сороковых годов бытие налаживалось: муку по 10 килограмм стали выдавать на месяц, разрешили добывать себе больше рыбы, мяса. Но пережитое, даже в свои девяносто лет Мария Гавриловна стереть из памяти так и не смогла.

Приближали как могли

...Войну я встретил восемнадцатилетним. Как и все, рвался на фронт громить фашистов. Пошел в военкомат. Но там, проверив мое зрение, сказали, что остаюсь дома, в Часельке, в которой наша семья жила и работала. Еще в военкомате добавили, что и здесь нужны трудовые руки: без крепкого тыла фронт не победит, - из воспоминаний **Константина Павловича АНДРЕЕВА**. - Всякий раз, когда я, думаю о тех, теперь уже таких далеких, но незабываемых годах, удивляюсь: откуда столько бралось сил и энергии, чтобы так самоотверженно работать. А ведь мы недосыпали, недоедали, но со своим плановым заданием по вылову рыбы наша бригада, когорой мне было доверено тогда руководить, всякий раз справлялась успешно. Среди тех моих товарищей, с которыми довелось трудиться бок о бок, особенно отмечу Веру Александровну Каргачеву и Валентина Андреевича Каргачева. Такие, как они, многое делали, чтобы не скудел стол нашего народа в ту суровую пору.

- Сейчас без моторной лодки за рыбой не поедут, а мы ловили рыбу так. Кто на ветке, кто на баркасе, весельным ходом добирались до места ловли. Там опускали невод длиной метров 150, а потом его вытаскивали. Работа мужская. Рыбы было не то, что сегодня. Однажды за один раз 18 центнеров выгнали. Пока дело сделали, уже и вечер. Рыбу не оставишь. Невод развешаешь на вешала, а лодки за веревку и как бурлаки по берегу тащим.

Сдавали рыбу. Если не всю забирали - приходилось снова назад возвращаться. И так, пока всю не перевезем, - рассказывала о том, как рыбачила в годы войны **Эмилия Генриховна АНДРЕЕВА**.

- Помногу вылавливали?
- Получим задание и ловим пока не выполним.
- Сколько человек в звене было?
- Пять.
- Все женщины?
- Нет. Были и мужчины. Да вот он и был, - показывает Эмилия Генриховна на Константина Павловича, своего мужа.
- Его на фронт не взяли из-за плохого зрения.

Основное, что давал фронту наш район, была рыба. На здешнем рыбозаводе засаливали, фасовали в бочки и отправляли. Возили в основном оленями и лошадьми.

- Когда нас вывозили в 1941 году из Саратовского края, говорили, что едем на 3 месяца. Привезли в Красноярский край поездом. 1 Мая погрузили на судно и аж в сентябре сошли мы на сушу. Многие не доехали. Умирали от голода и болезней. В Красноселькупе еще долго держали нас на плаву. Спасались только рыбой, которую нам, вопреки запрету, давали местные жители.

Привезли сюда немок в качестве рабочей силы для рыбозавода. И трудились они на Победу точно так, как весь советский тыл.

- Врагами мы себя не считали. Я, мои родители, деды, прадеды родились на русской земле. Тут их могилы. Но кто знал, кто мы и что. Слово «немец» воспринималось как «враг». Такими нас и считали. Мы понимали причину. Не обижались. Но... Ежемесячно надо было отмечаться. Не имели права выезда. И так до 1953 года, пока не умер Сталин.

Все, что мы умели делать раньше, здесь было не нужно. Приходилось всему учиться: и рыбу ловить, и юколу, и рыбий жир изготавливать, и на оленях ездить. Жили не только в Красноселькупе. Везде, куда посылали за рыбой. В Тольке, Ратте, Кикки-Акках, Часельке...

А сюда привозил сдавать рыбу молодой селькуп Константин Андреев, который и приглядел приезжую красавицу. Замуж, как вспоминает сейчас Эмилия Генриховна, совсем не хотелось выходить на чужой стороне, но о парне она слышала только хорошие отзывы, потом пригляделась и дала согласие жить вместе. После смерти Сталина стало возможным переехать на Родину, но к тому времени уже была большая семья и Север навсегда стал их домом.

Непростые сороковые...

Интересная сложилась судьба у **Варвары Авивовны КАЛИНОЙ** (на фото слева). За прожитые годы эта женщина прошла разные жизненные перипетии: и войну, и нелегкий послевоенный период...

С большим нежеланием вспоминала сороковые годы. В основном в тылу остались тогда женщины, дети и старики, заменившие в первый же день войны ушедших на фронт мужей, отцов, братьев, ставшие боевым резервом действующей армии, взявшие в свои руки производство военного характера. Работали день и ночь, чтобы выполнить план.

- Мама осталась одна в 26 лет с четырьмя детьми, - вспоминала ветеран тыла. - Отца, деда и их братьев в 1938 году раскулачили и отправили в Туруханск. После этого я папу не видела. Слышала, что бабушке похоронка пришла с войны. Пришлось маме самой поднимать нас на ноги. В жизни довелось немало горя хлебнуть: соль возила с Янов-стана, охотилась, рыбу ловила, которую затем отправляли в Красноярский край, работала в колхозе. В мамино отсутствие я брала на себя все домашние заботы, так как была самой старшей в семье. Мне тогда исполнилось девять лет. Что вот сейчас может сделать ребенок такого возраста, а у меня всякая работа в руках спорилась. В этом большая заслуга и отца. Он с детства учил меня всем национальным промыслам, некоторым народным премудростям. Например, как разжигать огонь без спичек. Бывало хореом собьет мох с дерева, выстрелит в него и тот загорается, или возьмет два камня и трет друг об друга, пока искры не получится. Эти навыки хорошим подспорьем стали в будущем. Несмотря на то, что фронт был далеко отсюда, отголоски войны очень хорошо ощущались. Не хватало ни еды, ни одежды. Босиком бродишь, под открытым небом спишь. Это в памяти осталось на всю жизнь. А как трудно было перебираться с одного места на другое при рыболовстве. Моторов не было, на веслах гребли. Немного поспим и опять за работу. Соли не хватало, поэтому чтобы сохранить рыбу, ямы рыли, туда ее складывали. Потом потихоньку вытаскивали, чистили, делали юколу, сушили. Половину добытого продукта через три-четыре перевала везли для сдачи в совхоз на корм зверям, часть отправляли за пределы района. Женщины успевали шить малицы, бурки, одежду для фронта. В посылочку вкладывали письмецо с согревающими душу словами. Иногда ответы получали от солдат. Сколько радости тогда было.

Как ни тяжело жилось, но учёбу никто в годы войны не бросал. Справлялись дети не только с уроками, но и ещё заготавливали сено для коров, дрова для школы. Педагоги активно им в этом помогали.

Учились и работали, жили в ожидании конца страшных событий. Так потихоньку проходило время. Настал День Победы. Варвара Авивовна надолго запомнила то время. С дедом вернулись из леса, а в посёлке уже все на крыльях счастья летают. Сколько было шума, гама, веселья и слез. Оставшиеся в живых солдаты, среди них был и брат её деда, вернулись домой, раненые и больные.

После 1941-1945 годов оказалось совсем нелегко восстанавливать разрушенное хозяйство. В те годы больше обращали внимания на работу первичных организаций, на мобилизацию и расстановку комсомольских сил. Отменно трудились, с неувядаемым духом комсомольского задора. И так колхоз имени Кирова вывели в 1960 году из отсталого в передовой. Овощи всякие выращивали, животных держали, и все вручную делали. А достижения получались хорошими. В Тазовский, Янов-стан ездили за продуктами конными обозами, на оленьих упряжках, ведь другого транспорта не существовало. Первый пароход «Воркута» пригнали сюда где-то в 45-46 годах прошлого века, гидросамолет приземлился в 1947 году. Все старые бабушки, по словам Варвары Авивовны, в лес убежали, думали немцы явились сюда. В комсомоле жизнь кипела и бурлила. Общественной работы было выше крыши. В ряде первостепенных задач - устранение неграмотности. Всех до 45 лет учили, ходили по домам, чумам проверяли уроки. Организованные особые комиссии экзамены принимали. Лесных и тундровых селькупов тоже учили чтению и письму. Учителя кочевали вместе с аборигенами. По окончании курсов выдавались специальные удостоверения. Люди старались изо всех сил вернуться к мирной жизни. Молодая, энергичная Варвара была в числе первых.

Все жили надеждой...

Василию Александровичу АНДРЕЕВУ в сорок первом исполнилось 13 лет:

- Когда началась война всех взрослых мужчин в нашем селе призвали в армию и остались одни подростки. Что получается? Работать толком было некому, ну, вот мы и стали на их место как трудовая вахта. Чем занимались? Летом рыбачили, зимой - на охоту, в колхозе работали. Трудно, конечно, в войну было. Выдают тебе паяк - твоя норма. Это тридцать грамм хлеба. Остальное приходилось своим трудом искать и дополнять этот паяк, чтоб пропитаться. И работать надо было. Так и началась моя трудовая деятельность.

По прошествии многих лет он хорошо помнил военную пору, через всю жизнь пронес воспоминания о тех нелегких испытаниях, выпавших на долю детей войны. Аккуратный, словоохотливый пожилой человек, с удивительно грамотной речью, несмотря на все тяготы жизни, остававшийся очень весёлым и жизнерадостным.

- Рассказать о себе? - и озорно бегали «зайчики» под толстыми стеклами его очков. А он продолжал: - Вроде столько лет прошло, а помнится так, как будто вчера было, все до мелочей в памяти «вырастает». Наша семья в Часельке жила: родители а колхозе работали, а мы в школе Толькинской учились. Брат да я. К рыбалке, охоте, считай, с малых лет нас приучали, работы разные по дому выполнять. Отца моего на фронт не взяли - болел он. А вот в 43-м году, всех призвали на действительную. Остались в нашей Часельке - старики, инвалиды, да женщины с детьми. Руки рабочие, ох, как нужны стали, раз все мужчины трудоспособные ушли на фронт.

А раньше рыбалка у нас, охота, оленеводство развиты были. Много рыбы ловили - солить ее надо, обрабатывать, орех кедровый собирали, пушнины много надо было. Для фронта работали. Считай, с 43-го года мы, все подростки, организовывались в бригады и начали работать в колхозе. На каждую бригаду план давали: сколько рыбы выловить, какое количество пушнины добыть... Сейчас говорить, что тяжело было нам, детям - это мало сказать. Уставали очень сильно, с ног валились. А в сорок четвертом тиф лютовал - болезнь страшная. Многие тогда умерли: как дети, так и взрослые. Но нам наши матери объяснили зачем мы работаем, для чего... И мне кажется, мы своим детским еще умом понимали: чем больше будем трудиться - тем быстрее вернется с фронта наши отцы, братья, односельчане.

Все жили по законам военного времени, не было вообще такого, чтобы кто-то не работал. Многие наши часельцы письма получали от своих с фронта, так мы узнавали новости. По этим письмам учили географию, - наверно, из них мы узнали какая огромная наша страна. Названия запоминались всех больших битв, сражений... Приходили похоронки... Не дай Бог, кому такое пережить. С 44-го года я уже не учился в школе, 4 класса - вот мои все науки. Зато после войны (в 46-ом) меня отправили в Салехард, учиться на счетовода-бухгалтера.

В сорок седьмом закончил, приехал домой и стал работать в колхозе счетоводом. Самое большое событие в моей жизни было в сорок третьем году, еще в Толькинской школе. Меня приняли в комсомол как достойного, по учебе. Очень хотел попасть на фронт, а куда мне - было-то всего 15 лет. А если близко был бы фронт - наверно, убежал бы. Многие мои ровесники рвались ехать на фронт. Думали тогда, что Победа быстрее будет. А день, когда война закончилась, очень хорошо помню. После поездки в район (Красноселькуп) находились мы дома, пришла продавщица Мартемьянова и сообщила, что наши победили. Она ждала с фронта мужа и сына. А сообщение о Победе было получено ею по радию, у нас а Часельке радио не было, вот только связь через радию. Все очень обрадовались, плакали не стесняясь, многие надеялись на возвращение с фронта своих.

Война коснулась и меня...

На войну пришлось детство **Веры Лукиничны КУНИНОЙ**. В 1941 году её семья: мать Мария Павловна, отец Лука Фёдорович, младшие брат и сестра, жили в Сидоровске.

- До отдалённого посёлка страшная весть дошла не сразу. Вдруг в один день будничный день приехал катер и отца забрали. В то время радио не было, и мы не могли понять что происходит. Мать с бабушкой отправились вслед за отцом, мы с братом были оставлены на деда. - Вот как рассказывала об этом Вера Лукинична. - Я хорошо помню как мы плакали и постоянно спрашивали у деда: «Где папка?» Отец у меня был грамотный человек, и оказалось, что его поставили в Фарково председателем колхоза.

Зимой 41 года мама получила телеграмму, в которой он нас вызывал к себе. Мы очень обрадовались этой весточке. Но мать решила сначала съездить сама. В то время в Сидоровске был садик. Хорошо помню, что там работала Евдокия Малафеевна Аркадьева. Мама оставила нас в этом садике, а сама поехала к отцу с нашим дядькой Яковом Федоровичем.

Не помню, сколько она ездила, только приезжает с гостинцами, очень радостная, говорит; «К отцу поедем!». Собрала нас и отправились мы в путь. Олени у нас свои были, запрягли мы их. Долгий путь, но добрались хорошо. Отец дома почти не бывал: постоянно ездил в Туруханск, Совречку. Мы его видели очень редко.

В 42 году была эпидемия кори, умирали семьями. Умерла сестра. Сама я тоже переболела, но осталась жива. В этом же году на Севере появились первые выселенные немцы. Хорошо это помню, потому что у нас дома квартировала немка с двумя детьми. Дружно мы жили. Взрослые очень много работали, в основном пасли оленей, рыбачили.

В 43 году отца забрали на фронт, у мамы родственников в Фарково не было, поэтому наша семья вернулась в Сидоровск.

Мама стала рыбачить на Русском озере, а я пошла в школу. Электричества в то время не было, освещали лампой, и то без стекла. Но было у нас у всех желание учиться. И мы старались.

Каникулы летние проводили на покосах, помогали взрослым, затаривали рыбу в бочки для фронтовиков. Потом эту рыбу вывозили на катерах. Время было очень строгое, у взрослых был план, вот на него они и работали. Не имеешь права покидать рабочее место, пока плана не будет.

- Чтобы не голодать почти у каждого был огород. Выращивали картошку, лук. Этим и кормились, рыба главным пропитанием была. Одно время мама, как жена фронтовика, получала талоны на продукты и одежду. Это были обыкновенные, маленькие бумажки.

Конечно, было очень тяжело, мать я свою видела редко, она все время была на рыбалке. Рыбачила она позже на Лыса мара, Листвяжном.

А потом на Север привезли репрессированных, они такие работающие, такие мастерицы были, учили нас вязать колготки, чулки. Немцы рассказывали нам о том, как они хорошо жили до войны. А вечерами, сидят во дворе, поют по-немецки, плачут. Но мы, дети, не очень все это понимали, родители-то может и знали чего, только говорить об этом нельзя было.

Отец мой с фронта не вернулся, в начале 1945 года прислал письмо из госпиталя. Писал он о ранении в левую лопатку. Это была последняя весточка от него. Военное время никоим образом не щадило.

«Девчонки, вставайте! Война закончилась!»

- Весть о начале Великой Отечественной войны нашу семью застала на угодье Нямбой-то. - Вспоминает **Евдокия Дмитриевна ЛЫРМИНА**. - Снабжение было совсем худым. меховые токушки (обувь), рукавицы из оленьих шкур и лап отправляли на фронт. В 1942 году мои братья Василий, Лука и Пётр ушли на фронт. Помощницей родителей осталось я одна — шестнадцатилетняя девчонка. Выполняла тяжёлую даже для взрослого человека работу. Приходилось порой недоедать и голодать. Любое дело я осваивала с охотой, а к обстоятельствам жизни относилась с большим терпением и смирением.

В 1944 году меня направили учиться в торговую школу в город Салехард. В мае 1945-го у нас должен был быть выпускной вечер. В шесть часов утра к нам идет завуч, стучит и говорит: «Девчонки, вставайте! Война закончилась!». Вышли мы на улицу, а там уже все строятся, плачут. Окончив курсы, вернулась в Тазовский. Работала приёмщицей рыбы, летом выезжала на рыбацкие Пески. Там встретила мужа, Николая Васильевича Кыткина, он родом из потомственных рыбаков, был одним из лучших рыбодобытчиков Селькупии. Работящий, удачливый, добродушный селькуп сразу мне приглянулся. В двадцать с небольшим я оказалась в Селькупском крае, который с годами стал мне родным. Мы жили в Сидоровске, где я стала работать в местном колхозе. Рыбачила, обрабатывала рыбу, научилась владеть ружьём, вместе с мужем выходила ранней зимой порой на охоту. Жили мы счастливо, душа в душу, но произошёл трагический случай я навсегда лишилась счастья быть матерью,

а также сказались суровые условия жизни. У моего мужа были племянники, и я заботилась о них, как о своих родных. В Сидоровск из стойбища я никогда не приезжала с пустыми руками, всегда одаривала родню обновками, изготовленными своими руками. Я делала бурки, гуси (одежда), малицы. Из самого райцентра ехали люди, чтобы заказать мне одежду. Я никому не отказывала, с охотой бралась за шитье.

Там, в далёком тылу

Родилась **Аксения Николаевна КАРГАЧЕВА** в 1922 году. Родители её были рыбаками-охотниками. С детства освоила Аксения премудрости национальной жизни. Еще будучи ребенком отец учил ее ставить капканы на дичь. Неплохо ходила она на лыжах, проверяла петли. Рыбачила с отцом, ловко разделявая рыбу на юколу. Помогала родителям воспитывать младших детей. Девушкой Аксения устроилась разносить почту. Не стоит говорить с какой надеждой с войны люди ждали весточки от родных.

В 1942 году Аксении исполнилось 16 лет. Её семья разводила оленей, занималась охотой и рыбалкой. Молодая девушка на оленях развозила почту из Красноселькупа в Тольку. Тогда это была очень почетная работа. Писем, телеграмм было много. С замиранием сердца ждали Аксению в родном селе. А когда приезжала - в селе был праздник. Все собирались, радовались весточкам, рассказывая каждый о своем. Кто не умел читать, тому Аксения зачитывала письма сама.

Потом она работала в колхозе на звероферме – кормила зверей. Времена были тяжелые. Одежду купить было негде. Ухитрялись молодые девушки шить себе юбки из мешковины. И что только не придумывали. Обувь шили себе тоже сами.

Работала Аксения и рыбачкой. В любую погоду приходилось выходить на работу. Ведь каждому давали план, и его надо было выполнять. Ничего не страшилась юная девушка. Она легко, играючи вела лодку, ставила сети. Рыбу солила, сушила и отправляла на фронт. А ещё в свободные зимние вечера, сидя у еле тлеющей лучины она старательно вывязывала носки, варежки, которые, как и рыбу, складывали в посылки и отправляли на фронт. В посылки вкладывали записки с пожеланиями вроде того: "Пусть греют Вас эти вещи, как и наши сердца"...

М. КАГИЛЕВА: «День Победы... Как много слилось в этих двух словах. И горечь утрат, и радость, что мы сумели одолеть врага. Ничего не жалели, советские люди, чтобы приблизить это желанное время. Мне вспоминается, как трудились люди в далёком тылу, в Сибири. Жила тогда наша семья в Часельке, точнее около неё, в чуме. Родители наши были рыбаки. Мы трудились вместе с ними. Нелёгкие были тогда годы. Моторов у нас не было, только лодки да весла. Но люди старались перекрывать плановые задания по добыче рыбы (её колхоз сдавал на Тазовский рыбозавод). Туго было и с питанием. За ним ездили, точнее ходили, на Янов Стан. Бывало, уйдёшь в октябре, а приходишь где-то к Новому году. Хорошо помню и черный хлеб той поры. Его тоже не хватало. Но мы хорошо понимали, что нелегко живётся всем и старались не хныкать, а трудиться насколько хватало сил и умения.»

Анна Васильевна МОРОКОВА - уроженка Кикки-Акк. Война застала её в родном поселке. В 1942 году ее мужа, Морочкова Иннокентия Ивановича взяли на фронт. Анна Васильевна осталась с двумя детьми.

Работала в колхозе: охотилась, рыбачила. Плоды труда, а это: юкола, рыбная мука, рыбий жир и другое - все отсылали на фронт.

Большие лишения пришлось пережить, но мужественная молодая женщина работала не прекладая рук, поднимала детей и очень ждала своего мужа и он пришел с победой. Гордый за свою Родину и счастливый, что сохранилась семья.

Когда началась война, **Евдокии Иннокентьевне ИРИКОВОЙ** исполнилось 23 года. На ее руках были 2 дочери. Работала Евдокия Иннокентьевна в колхозе. За работу платили хлебом. Два кубометра дров нужно было напилить, порубить и сложить. За это выдавали 500 гр. хлеба. Сама хлеб не ела, все отдавала детям, а себе делала болтушку из мякины.

Зимой работала в школе, на ферме телятницей, санитаркой в больнице. Приходилось и роды принимать. Чем только не занималась...

Женщин выводили в лес на деляны для заготовки извести. Для этого на берегу Таза на лодках собирали камни. В лесу разжигали большой костер, бросали в него камни. Когда камни становились раскаленными, их помещали в бочки с холодной водой. Там от камней и отходила известь. Ее собирали. С ней делали дезинфекцию когда была вспышка тифа. Не гнушалась никакой работой, лишь бы детей прокормить. Жила с детьми, одна, но к концу 1945 года вышла замуж. Наладилась жизнь и закончилась война.

СЕВЕРНЫЙ КРАЙ

ОРГАН КРАСНОСЕЛЬКУПСКОГО РАЙКОМА КПСС И РАЙОННОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Основана 3 сентября 1986 г. + № 38 (73) + СУББОТА, 9 мая 1987 года. + Цена 3 коп.

С ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ

Работы художника В. Викторова.

Издательство «Плакат».

Немеркнущий подвиг советского народа

Второй раз пришел к нашей земле светлый праздник Победы. На кругом переломе в жизни современного мира отмечают его советские люди. Своим воплощая в дело стратегию ускорения социально-экономического развития страны, утверждая на XXVII съезде КПСС, крепят они могущество нашей страны.

В эти дни продолжалась Великая Отечественная война. Своей ценой досталась советскому народу победа над самым реакционным отрядом мирового империализма — германским фашизмом. Суровым было начало войны. Страна выстояла, переломила ход событий. Со своим воином разгромили фашистские полчища под Сталинградом и Ленинградом, на Кавказе, нанесли врагу сокрушительные удары на Курской дуге, в Приднестровье, в Белоруссии, в Ясско-Кишиневской, Висло-Одерской и Берлинской операциях.

Советский народ и его Вооруженные Силы одержали великую победу над самым реакционным отрядом мирового империализма — германским фашизмом. Суровым было начало войны. Страна выстояла, переломила ход событий. Со своим воином разгромили фашистские полчища под Сталинградом и Ленинградом, на Кавказе, нанесли врагу сокрушительные удары на Курской дуге, в Приднестровье, в Белоруссии, в Ясско-Кишиневской, Висло-Одерской и Берлинской операциях.

В эти дни продолжалась Великая Отечественная война. Своей ценой досталась советскому народу победа над самым реакционным отрядом мирового империализма — германским фашизмом. Суровым было начало войны. Страна выстояла, переломила ход событий. Со своим воином разгромили фашистские полчища под Сталинградом и Ленинградом, на Кавказе, нанесли врагу сокрушительные удары на Курской дуге, в Приднестровье, в Белоруссии, в Ясско-Кишиневской, Висло-Одерской и Берлинской операциях.

ВСТРЕЧУ ВЫБОРАМ

ДОВЕРИЕ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

Встрече двух смен сошелся в старейшем цехе цеховской промбазы ремонтно-строительного управления. Собрались, чтобы выбрать кандидата в депутаты Красноселькупского районного Совета.

Встрече двух смен сошелся в старейшем цехе цеховской промбазы ремонтно-строительного управления. Собрались, чтобы выбрать кандидата в депутаты Красноселькупского районного Совета.

свободу и независимость социалистической Родины, внес решающий вклад в избавление человечества от угрозы фашистского порабощения. Мы восхищаемся доблестью фронтовиков, партизан и подпольщиков, отдаем дань глубокого уважения труженикам тыла. На их славных делах воспитываются, учатся мужеству, стойкости, верности Родине все новые поколения советских людей.

В рядах защитников Родины бесстрашно сражались и сыны селькупского народа. С контузиями, ранениями и боевыми наградами вернулись домой Владимир Алексеевич Сайгогин, Аркадий Филатович Андреев из Красноселькупа, Карп Николаевич Морочов и другие.

Многие остались на поле брани. Лишь на обелиске, воздвигнутом комсомольцами шестидесятых годов в райцентре, значатся имена 26 односельчан. За честь и независимость нашей Отчизны пали Е. П. Андреев, А. Н. Боякин, В. С. Ириков, Л. Ф. Кагилев и другие.

Потомки с благодарностью будут помнить о них вечно. Великая Отечественная война — война народная, священная во имя жизни на Земле, во имя настоящего и будущего. Наша Победа дала мощный толчок движению народов к социальному прогрессу, демократии.

Важный урок второй мировой войны — это стремление народов не допустить повторения мировой войны, предотвратить еще более страшную для человечества трагедию. Пройдут десятилетия и столетия, сменяются поколения людей, но уважение и признательность к тем, кто защищал нашу Родину от врага, не исчезнут, останутся навесегда.

— Предлагаю выдвинуть кандидатом в депутаты сельского Совета Василия Васильевича Жечева, — вы сказал первым свое мнение столяр Н. И. Тыщик.

— Хорошая кандидатура, — согласился с ним начальник цеха РСУ А. В. Луньков. — Василий Васильевич хотя и неделю работает рамщиком, всего два года, но сумел себя проявить, завоевать авторитет. Добросовестный, инициативный. Думаю, и депутатская ноша будет ему по плечу.

— Я тоже так думаю, — поддержал руководителя сварщик Л. В. Пириг. Была предложена и дру

гая кандидатура — шофера Сергея Бархатова. Но голос не пришлось слышать на двоих. Сергей, заявив о своем «самостоятельном», убедил товарищей, что депутатские обязанности В. В. Жечев в силу своего характера будет выполнять лучше, чем кто-либо другой. На том и порешал.

Собрание избрало и доверенных лиц кандидата. Ими стали мастер Ю. П. Пешеходов и секретарь партийной организации РСУ Ю. Ф. Овчинников.

Собрание проходило оживленно, в деловой обстановке. Равнодушных не было. Е. СЫРЬХ.

ДНЕВНИК СОРЕВНОВАНИЯ ЕСТЬ ГОДОВОЙ!

Успешно трудятся над реализацией социалистических обязательств, принятых в честь 70-летия Октябрьской революции. Рыбодобытчики Красноселькупского района в этом году не только выполнили плановый объем работ, но и перевыполнили его на 100 процентов.

Что касается продажи государству рыбы, то только лишь уже сегодня перешагнули годовую ру

беж — вместо положенных 1200 центнеров сдали 1337 центнеров высококачественной продукции.

Вот так коллектив работников Красноселькупского района в этом году не только выполнил плановый объем работ, но и перевыполнил его на 100 процентов. Это удалось благодаря стараниям бригады во главе с бригадиром С. М. Ириковым, Т. М. Ириковой, С. В. Боякиным и другими передовыми производителями.

П. ВАСИЛЬЕВ.

ВТОРОЙ ФРОНТ

Последовательно осуществляя ленинские принципы подбора, расстановки, воспитания кадров и активизации их деятельности, комсомолы Красноселькупского района в этом году добились значительных успехов.

Важнейшим направлением работы комсомольцев является подготовка молодежи к труду и службе. В этом году в районном центре открылись курсы подготовки рабочих и служащих. В них уже обучаются 15 человек. Кроме того, в районе действует 12 клубов, где проводятся различные культурно-просветительские мероприятия. Комсомолы активно участвуют в общественной жизни района, организуя различные мероприятия, направленные на повышение культуры и уровня жизни населения.

Важнейшим направлением работы комсомольцев является подготовка молодежи к труду и службе. В этом году в районном центре открылись курсы подготовки рабочих и служащих. В них уже обучаются 15 человек. Кроме того, в районе действует 12 клубов, где проводятся различные культурно-просветительские мероприятия.

Комсомолы активно участвуют в общественной жизни района, организуя различные мероприятия, направленные на повышение культуры и уровня жизни населения. В этом году в районе было проведено много интересных мероприятий, которые получили широкую поддержку населения.

Важнейшим направлением работы комсомольцев является подготовка молодежи к труду и службе. В этом году в районном центре открылись курсы подготовки рабочих и служащих. В них уже обучаются 15 человек. Кроме того, в районе действует 12 клубов, где проводятся различные культурно-просветительские мероприятия.

Комсомолы активно участвуют в общественной жизни района, организуя различные мероприятия, направленные на повышение культуры и уровня жизни населения. В этом году в районе было проведено много интересных мероприятий, которые получили широкую поддержку населения.

Важнейшим направлением работы комсомольцев является подготовка молодежи к труду и службе. В этом году в районном центре открылись курсы подготовки рабочих и служащих. В них уже обучаются 15 человек. Кроме того, в районе действует 12 клубов, где проводятся различные культурно-просветительские мероприятия.

Комсомолы активно участвуют в общественной жизни района, организуя различные мероприятия, направленные на повышение культуры и уровня жизни населения. В этом году в районе было проведено много интересных мероприятий, которые получили широкую поддержку населения.

Важнейшим направлением работы комсомольцев является подготовка молодежи к труду и службе. В этом году в районном центре открылись курсы подготовки рабочих и служащих. В них уже обучаются 15 человек. Кроме того, в районе действует 12 клубов, где проводятся различные культурно-просветительские мероприятия.

Комсомолы активно участвуют в общественной жизни района, организуя различные мероприятия, направленные на повышение культуры и уровня жизни населения. В этом году в районе было проведено много интересных мероприятий, которые получили широкую поддержку населения.

Потом все плакали от счастья

Родился **Иван Фёдорович БАШКАТОВ** в Орловской области. В 1941 году по вербовке переехал со своей семьёй в Тюменскую область Вагайский район деревню Межевая. Когда война началась, он окончил четвертый класс в родной деревне, а доучиваться пошёл в с. Птицы, в десяти километрах от постоянного места жительства.

- Отца забрали на фронт. В битве под Москвой его контузило. В госпитале лежал какое-то время, а в 1942 году уже пришёл домой. Вскоре его отправили в Омск - в трудовую армию на военный завод. Там работал до 1947 года. Мама в военные годы шестерых воспитывала одна. Я был старшим, пришлось заменить взрослого мужчину - подшивать валенки, шить чирки, заготавливать дрова. Трудно было учиться вдали от родительского очага. Мать на неделю обеспечивала ведром картошки. На такой паек прожить, конечно, сложно, поэтому сам находил выход из положения - научился ставить петли на зайцев. Мальчишка я был оченьмышлёным, все схватывал на лету, поэтому всегда получал одни пятерки. Учебный процесс в школе начинался поздней осенью, так как рабочие силы требовались на колхозных полях. Весной пораньше по этой же причине на каникулы отпускали. Почти всегда подростки на лошадях бороили, навоз вывозили. Только утром хоть кнутом поднимай молодёжь. Рыбалка являлась чуть ли не любимым занятием, даже острой колотили. Из школы придём, сумку под лавку и на речку бегом. Наловим рыбы, и радостные вривпрыжку назад - ведь щука хорошее подспорье для питания. Старались так же освоить все виды труда, и получалось почти всегда. Взрослые следили по радио за военными действиями, и мы - в силу своего детского ума понимали, как

это важно. День Победы до сегодняшнего времени отчётливо помню. Тогда я находился в соседнем селе. На сельсовете был установлен динамик, из которого доносились долгожданные слова о том, что гитлеровская армия потерпела поражение, настал конец войне. Все плакали от счастья.

На несколько лет забыли вкус хлеба

1942 год. Шла ожесточенная Великая Отечественная война. Всё мужское население ушло на фронт защищать Родину от немецких фашистов. В небольшой деревне Иштаманы Тобольского района, которая была расположена на берегу живописной реки Иртыш, остались только женщины, дети и старики. Среди них **Сания Абраимовна НАЗЫРОВА**:

- В том году я поступила в первый класс. Условия жизни были очень трудные: в школе холодно, тетрадей нет, писали на старых газетах, из печки доставали сажу, разводили молоком, пользовались такими чернилами. На столе учителя стояла одна керосиновая лампа, которая освещала классную комнату. С утра проводили устные предметы, а когда становилось светло - остальные.

Нас приняли в октябрята, пришили самодельные звёздочки. Дисциплина была очень строгая. Утром нас выстраивали в коридоре, дежурные проверяли руки, ногти, уши. Однажды на каникулах я потеряла звёздочку, меня не пустили в школу, отправили домой и сказали: «Найдёшь звёздочку, тогда придёшь в школу». Мне было очень обидно, пришла домой в слезах. Старший брат вырезал из картона звёздочку, обшил красным материалом. На следующий день я пошла в школу с октябрятской звёздочкой.

Каждый день перед началом уроков маршировали и пели один куплет с припевом из песни «Священная война». Если кто-то нарушал дисциплину, опаздывал, пропускал уроки, исключали из школы на неделю или десять дней. Это было самое строгое и суровое наказание.

Детям фронтовиков давали кусочки хлеба, гороховый суп. Скоро запасы продуктов закончились. Начался настоящий голод. На несколько лет забыли вкус хлеба.

Зимой стояли трескучие морозы, поэтому семьи объединялись, ютились в небольших домах, так экономили дрова.

В четвёртом классе меня приняли в пионеры, я выучила наизусть слова торжественного обещания пионера и мне повязали красный галстук. Мы дежурили по школе, следили за порядком и дисциплиной. В школу приходила газета «Пионерская правда», читали и перечитывали от корки до корки, печатались статьи о пионерах-героях, их подвигах. Позже появились отрывки из романа А. Фадеева «Молодая гвардия», мы переживали, плакали, восхищались подвигами молодогвардейцев.

Осенью после уроков собирали колосья, летом пололи грядки на колхозных полях, где выращивали свёклу, капусту, турнепс, в лесу собирали ягоды, лекарственные травы для заварки.

Наступил 1945 год, отгремела, закончилась победой война. 9 мая на площади около клуба состоялся митинг, собралась вся деревня. Люди, измученные, истощённые, плакали от радости, обнимались, ликовали. На душе стало легче, но жизненные трудности остались. У всех общая беда: голод, холод, нищета,

разруха. Все понимали друг друга, как могли поддерживали, помогали, выручали в трудную минуту.

Мы подрастали, жизнь постепенно налаживалась, шло восстановление разрушенного войной народного хозяйства. Но навсегда осталась память о холодном и голодном детстве, как будто это было со мной и не со мной. Но в то же время эти годы очень дороги мне, потому что тогда с нами была наша мамочка...

От бомб невозможно спрятаться

Жизнь **Нины Михайловны НЕСТЕРОВОЙ** - это еще одно мгновение в повествовании о Великой Отечественной войне. Родилась она в г. Мичуринск Тамбовской области, где располагалась узловая станция - через нее шли все поезда на юг - Волгоград, Ташкент, Сталинград. Этот город очень сильно подвергся бомбардировке фашистов. Враг взрывал эшелоны с продовольственными товарами, оружием. По всей округе госпитали были переполнены ранеными. Нина с подругами часто навещали солдат, ухаживали за ними. Особенно страшно было смотреть на молодых парней - многие без рук, ног. При таких воспоминаниях, из глаз женщины невольно выступали слезы. Учились тогда с одной тетрадкой и книгой на пять человек. На обед школьникам давали по кусочку хлеба, посыпанного сверху сахаром. И это было большим счастьем. Зи-

мой ходили в резиновых сапогах, в старенькой одежде.

В городе стояли деревянные дома с подполами, рядом с ними были сооружены глубокие погреба, которые считались надёжным убежищем от бомб гитлеровцев. Только потом Нина поняла, что это далеко неверное мнение - от них практически невозможно спрятаться. Однажды Нестерова сама чуть не оказалась очередной жертвой фашистов. Вечером она вышла по делам, и попала под обстрел. Но не растерялась молодая девчонка, вовремя спряталась и уцелела. Зато, какой страх она испытала не описать словами.

Семья Нестеровых состояла из десяти детей, но рано детвора лишилась родительской ласки, заботы. Отец ещё до войны ушёл из жизни. Мама тоже умерла в 1941 году. За воспитание Нины взялась тётя. Судьба братьев и сестёр сложилась более печально - их разбросали по разным детским домам, один брат без вести пропал на фронте. Осталась Нина Михайловна круглой сиротой. До приезда в Красноселькуп жила в Калининградской области...

Приписана к отряду партизан

- Все наши корни там, в деревне Володарское Речицкого района Гомельской области, - из воспоминаний **Марии ТОРОЩИНОЙ**. - Отец был председателем сельского Совета, и когда стал накапывать вал войны с немецко-фашистскими захватчиками, его было решено оставить для подпольной работы. Самуил Константинович ушел в партизаны. Однажды он и еще четыре человека из их отряда пришли в деревню навестить семьи. Кто-то донес об этом немцам и полицаям. Всех схватили и расстреляли. Многие, наверное, знают, что в Белоруссии во время войны погиб каждый четвертый её житель.

Я хорошо помню Мишу Кострому (эту фамилию носило, пожалуй, полдеревни) и Мишу Беляя - разведчиков из партизанского отряда. Как сейчас они видятся мне молодыми и сильными парнями. Но скосили их немецкие пули. А разве забудется молодая разведчица Аня. Враги поймали её, поиздевались над девушкой и повесили вниз головой на рынке в городе Речица, заставляли людей проходить около трупа. Если кто-то пугался и хотел убежать, того немедленно расстреливали. Я тоже побывала там и поклялась бороться с фашистами, как умю и могу. И я мстила врагу за смерть отца и моих земляков.

В 1941 году мне было 13 лет. Была я небольшого росточка, шустрая. Если надо было идти из своей деревни в Речицу по заданию партизан, то мне они вшивали в платье бумажку с нужными сведениями, и я отправлялась в путь. До сих пор помню,

по каким адресам я ходила: на улицу Р. Люксембург и на Безьянскую. В городе меня уже ждали, встречали, переодевали в другое платье с запиской, и я шла назад. Все они, по мере сил и возможности, приближали победу над фашистами.

Непростым орешком для фашистов была и наша деревенька. Какое-то время в ней находился штаб партизан, и её дважды бомбили. Было убито много народу, сожжено немало дворов, в том числе и наш. Мы жили в лесах, куренях или, как их называют в Сибири, в шалашах – и зимой, и летом. Приходилось очень трудно, прежде всего, женщинам и детям. Мы жили то в Володарских, то в Шатиловских лесах, около г. Жлобино. Немцы часто прочесывали те места, где были партизаны. В таком случае бросаешь всё и перебираешься на новое место. Нас косили не только вражеские пули, но и грипп, сыпной тиф, заедали вши...

Мама помогала партизанам, пекла хлеб; отдавали всё с огорода. Хотя всё было связано с риском, находились люди, которые не боялись карателей, старались привозить разный провиант тем, кто сражался с врагом на родной земле. Во многом помогал обеспечивать продуктами партизан бывший работник заготскота Павел Чижик. Гонят скот в Германию – он постарается сделать так, что часть животных оказывается в лесах. Павел погиб у деревни Погулянки, близ Володарского. Были и другие пути

обеспечения всем необходимым: подбирали застреленных коней, подрывали поезда, которые шли груженные нашим добром в Германию.

Да и оружие партизанам доставалось непросто. Я была приписана к отряду им. Ворошилова и хорошо знаю, как оно, оружие, оказывалось у ребят. Часть была своего, отечественного, производства, что-то было отбито у противника.

Но были и такие, которым власть кружила голову, тот же Тюфинский. Стал грабить куреня. Одну семью всю перестрелял, забрал их имущество. Когда немцев прогнали из наших мест, над этим человеком был суд. Приговора он не дождался: его прямо в здании суда застрелил лейтенант, вернувшийся с войны, единственный оставшийся в живых из той погубленной семьи.

Помню еще одну подлость. Её совершил мой земляк: он выдал немцам тайник, где хранились оружие, продукты, медикаменты на случай подпольной работы. Часть добра фашисты и полицаи забрали себе, остальное – сожгли. Разные были люди и в то время, по-разному вели себя в войну.

Когда нас освободили, война еще продолжалась. Вначале работала в Речице на хлебозаводе, затем продавцом, потом решила учиться на медсестру. Но, к счастью, к концу моей учебы война закончилась.

Громыхали колёса немецких колонн

Родилась **Антонина Кузьминична ЗАВОДЕВКИНА** на Смоленщине – деревня Юрково Моностырщинского района, в семье, где воспитывалось пятеро детей. Мама Фёкла Тихоновна и папа Кузьма Петрович были простыми крестьянами, держали своё хозяйство, воспитывали детей в любви к труду, и честности. Жадно училась, бегая в школу со сшитой матерью холщовой сумкой, помогала в работе совхоза. И всё это разом оборвалось, потому что пришла война. Антонине было 11 лет.

Известие о начале войне встретили как самую страшную весть, особенно для детей прозвучало она пугающе, ведь никто из них даже не представлял, что кроется за этими словами. А очень скоро они смогли почувствовать беду на собственной жизни. Смоленщина одна из первых территорий, куда немцы пришли, ведь наступление на мирную страну в 1941 году было стремительным, несмотря на всё сопротивление советских войск. Мужчины отправлялись в военкомат, тогда впервые деревню захлестнули слёзы, матери и бабушки понимали, что далеко не каждый сможет вернуться. Проводили на войну и Кузьму Петровича. Две сестры Тони с взрослыми отправились копать противотанковые окопы. Уже через несколько месяцев грохот оружейных залпов, пожары, бомбардировка стали сокрушать её родной район. И вдруг наступила тишина, такая пронзительная, что стало еще страшнее. Как сейчас помнит Антонина Кузьминична тот день. Они собирали сено возле дороги, как из-за горки появились мотоциклы. Немцы! Их было немного, они остановились, шутили, смеялись, мол, наши уже по Ленинграду гуляют, проехали по деревне и уехали. А через два дня дороги громыхали колесами немецких колонн. Шли днём и ночью в течение недели, что казалось нет края этой тучи танков, обозов, тянущих пушки, и людей, усмехающихся вслед местного населения. Деревня Юрково маленькая, поэтому особого внимания у фашистов не вызывала, они спешили дальше, но по пути обязательно заглядывали в каждый двор. Мародерство было беспощадным – забирали скотину, хлеб, все запасы, и тем, что понравится по мелочи, не брезговали, а соседнюю деревню и вовсе сожгли. Кто животину спрятал вовремя, считай, сохранил жизнь семье. Тонина мама кормилицу Маруську всё же отвоевала.

Два года Антонина пробыла на оккупированной территории. Поменялось всё, и жизнь стала по-настоящему горькой. Сельчане избрали старосту, выбирали специально сами, чтобы он мог защитить их. Бывало сходит в комендатуру в район, узнает по-

восте, вернется и сядет на лавочку у двора Синяковых (дом родителей Тони стоял на окраине), вроде отдыхает, а сам тихонько предупредит – скоро немцы приедут молодежь в Германию на работу забирать. Вот мать тихонько в соседний двор сбегает, расскажет, те – следующим. А к сроку девчат и парней попрячут. Больше бесчинствовали полицаи, русские ребята, которые добровольно шли служить новой власти. Грабили, доносили. В конце 1942 года даже открылись школы, но немцы внимательно осмотрели учебники и велели многие страницы вырвать, где говорилось о партии и советских достижениях. Тогда учителя придумали заклеивать легонько текст бумагой, чтобы потом можно было снять, ведь каждый верил – придёт время и разобьют фашистов, прогонят с русской земли. Верили, ждали... Даже они, дети

войны, ранее в глаза не видевшие самолетов, научились распознавать, кто над ними в небе, просто по звуку. С советских самолетов часто сбрасывались листовки, где говорилось, что нельзя верить фашистским захватчикам, наши скоро придут, помогайте русскому солдату. Листовки прятали, у неё, у Тони, они надежно были закопаны вместе с пионерским галстуком.

Отец угодил в самое пекло боев под Смоленском, и даже попал в плен. Согнали их тогда возле реки, да видно не очень внимательно охраняли в первый год войны, поэтому ему и нескольким товарищам удалось бежать. Вплавь преодолел он Днепр, и вернулся в родное село. Примкнул к русским солдатам, отправили в штрафной батальон и на передовую. В бою был ранен и отправлен в госпиталь, комиссовали по инвалидности, и стал он работать конюхом.

Антонина Кузьминична помнит, как в село заглядывали партизаны. Приходили тихо, и в каждом доме, несмотря на нищету,

находилось, чем угостить. Сами-то жили впроголодь – картошка да молоко помогали немного продержаться, правда это только так оптимистично звучит, ведь мало их было, что приходилось прошлогоднюю подгнившую копать, а коровушка в поле работает весь день отошавшая – сколько уж надой даст... Лепешки пекли из круп да травы, супы травяные.

После освобождения от немцев в селе появилось радио. И каждое утро народ собирался у репродуктора, слушал какие города взяли наши войска, сколько подбито танков, сколько захвачено пленных. До сих пор вспоминая голос Левитана, Антонина Кузьминична плачет, словно на миг возвращаясь в военное лихолетье. Утро 8 мая 1945 года начиналось как обычно, но в этот день прозвучали самые заветные слова о капитуляции Германии. Даже над маленькой деревушкой «Ура!» неслось громогласно, потом были слезы... Всё село собралось в конторе совхоза, накрыли столы из чего могли и... за Победу, за Родину, за погибших, за тех, кто в строю!

Вспоминать страшно...

Зинаида Александровна ПЕРУНОВА родилась в Саратовской области г. Калининск в семье простых тружеников. Обычной жизнью жили до войны. Как напал Гитлер на нашу страну, так и сон, и покой покинул дома людей. Опустели улицы, пореди рабочие силы – все ушли на фронт. Отца Зинаиды оставили в городе - дали бронь, так как он в Финской войне получил серьезное ранение и вернулся инвалидом. Мама детей воспитывала, а папа был преподавателем в училище механизации. С учениками на поле работал, зимой дрова из леса возил для отопления. Кроме Зинаиды в семье росли еще три ребенка.

- Помню, лежим на сеновале, смотрим в небо. Днем просто пролетают над нами самолеты, а с приходом темных времен суток начинали бомбить. Гремели страшные взрывы, потрясающие окрестности, разом вылетали стекла в окнах, дрожали стены. Сумраки ночи разрезали яркие вспышки. Над землей гитлеровцы сбрасывали ракеты, которые как бы замирали в воздухе, озаряя земную поверхность. Вспоминать страшно. Огненным пламенем колыхали дома, фабрики, заводы, дым затягивал улицы тусклой, непроницаемой пеленой. Наш город был расположен недалеко от Саратова, который подвергался страшным нападениям немцев. Я все это видела своими глазами. Взрослые копали окопы, и дети помогали им. На фронт отправляли посылки – варежки, носки. А еще в госпиталь ходили. Пели раненым песни, чтобы хоть как-то развеять им тоску, приносили разные приготовленные по-домашнему обеды. Страх тогда окутывал нас. Ежеминутно могло произойти что-то непоправимое. Черная птица с названием «смерть» нависала то над одним, то над другим.

... А работали мы, практически наравне со взрослыми, храня в сердцах веру в победу. Все знали, что надо трудиться столько, сколько можешь, и даже больше, потому что фронт нужно было обеспечить необходимыми продуктовыми и продовольственными товарами, боевым оружием...

- В день Победы, в майский день 1945-го года, все ликовали. Знакомые и незнакомые люди обнимали друг друга, дарили цветы, пели песни и танцевали прямо на улицах. Крики, шум,

смех... Еще бы! Ведь больше не будут бомбить дома, больше не станут гибнуть люди. Война кончилась! Я помню, как вдруг началась пальба из винтовок и пистолетов, небо окрасилось всеми цветами радуги от множества ракет: сомнений не было – то, чего в течение четырех лет ждали все, свершилось. Некоторые всё не верили, что ОНА наступила. Никогда я не видела ничего подобного... Кажется, что это было так давно, но так свежи воспоминания. Разве можно забыть потрясающие окрестности взрывы, летящие во все стороны осколки стекла, пылающие огненным пламенем дома, грустный взгляд искалеченных войной горожан.

За людей нас не считали

Мария Ивановна ПОНОМАРЁВА хорошо помнила те времена, когда немцы угнали её, восемнадцатилетнюю девушку, в Германию на сельхозработы, и вкус маленького кусочка хлеба, за который отдала бы всё.

- В сорок втором нас угнали в Германию, - из воспоминаний Марии Ивановны. - За людей нас не считали, работать приходилось много, чтобы не убили. Трудились мы тогда в хозяйстве, наподобие совхоза.

И вот как то повезли нас картошку сажать, а тут опять стреляют. Язык я тогда уже знала, говорила и понимала по-немецки и по-польски, поэтому, когда услышала: «Марийка, осторожней, опять стреляют, наверное, фронт рядом!» - я расстроилась. И вдруг, видим, бежит нам навстречу советский старшина и кричит: «Бросайте работу, война кончилась!» Даже и не поверила сразу, слишком много страданий пришлось пережить мне, находясь в неволе. Ой, как мы тогда плакали, ведь увезли-то меня ещё совсем девочкой, вместе с

подружкой из одной деревни. Её тоже Марией звали. Все думали, что мы сёстры. А мы и вправду как сёстры были. Всё пришлось делить пополам. Есть всегда хотелось очень - немцы давали нам на неделю пачку маргарина, булку хлеба, да ложку сахара. А чтобы работницы не умерли с голоду, варили нам в котле кашу с картошкой, такую, как свиньям дают. Да и поселили-то нас всех в свинарнике на двухъярусных кроватях. Туда посмотришь - свиньи стоят, сюда посмотришь - тоже. Жили мы у хозяина, который держал небольшой спиртзаводик, поэтому картошки было много и можно было есть её без ограничений. А нам так хотелось хлеба!

Помню, дадут нам булку па неделю, пойдём мы с Марусей в свой свинарник, сядем наверх и говорим друг другу: «Ну, вот только по одному кусочку съедим, а остальное будем экономить». Съедим, а потом опять по одному кусочку отрежем. Так и не заметим, как булка кончится - организмы-то молодые, да и работали много. Тогда сидим и мечтаем: «Вот, - говорит мне подруга, - приедем мы, Марийка, домой и будем ходить друг к другу в гости хлеб есть. Ты сегодня ко мне с буханкой придёшь, а завтра я к тебе с буханкой»

Мария Ивановна не смогла забыть дикий случай, когда в свинарнике у одной девушки крысы отгрызли косяк. Та, чтобы как-то расчесать волосы, смазала их слегка маргарином. Просыпается утром, а косы нет. Пришлось спать по двое, да дежурить по очереди. Иногда им помогали поляки, тоже угнанные. Им и французам разрешалось свободно ходить по территории, в отличие от русских, которых держали взаперти. Поляки работали с коровами, поэтому, бывало, приносили молоко или показывали, где стоят бурёнки и девушки тайком надаивали молоко, которое потом прятали за матрасами, чтобы немцы не обнаружили.

- Натолчём опостылевшую картошку, - вспоминает Мария Ивановна, - добавим гуда молока, и смакуем.

А потом жизнь преподнесла ещё один «сюрприз». Находясь в поле уже к концу рабочего дня, попала она под телегу, да так серьёзно, что сломала обе ноги. Когда пришёл немец объявить об окончании работы, не смогла даже пошевелиться, такой адской была боль.

- Я в себя только в больнице пришла, когда наркоз постави-

ли и гипс наложили, - с содроганием рассказывала Мария Ивановна, - смутно помню, как набросали на подводу соломы, положили меня и повезли в больницу. Даже хотели ампутировать ноги, но я сказала, что под поезд брошусь. Был, правда, один пожилой врач-немец, который по-человечески ко мне относился. И даже приказал медсёстрам давать мне сахар. Ох, как страшно было после гипса вставать! Казалось, что сейчас опять всё треснет в ногах. Но я так была рада, когда из больницы вышла! А уж когда пришли наши солдаты, и вовсе жить захотелось. Помню, освободили нас, накормили и даже пострелять дали из нагана и автомата. Сам Рокоссовский приехал в часть, где мы находились ещё какое-то время. У меня день рождения 3 июня, так маршал распорядился на хлебозаводе выпечь хлеба и разрешил устроить небольшое застолье, где сидел рядом со мной. Помню, нужно что-то спросить, а я не знаю как обратиться. И говорю ему: «Пан Рокоссовский», а он засмеялся и отвечает: «Я не пан, я товарищ». А потом и вовсе сосватал меня за своего водителя Николая Афанасьевича Пономарёва, за которого я вышла замуж. На Украину мы вернулись позже, работали в посольском консульстве, восстанавливая разграбленную страну.

А тут война началась

Когда началась война, **Елене Ильиничне КУЛАКОВОЙ** было 12 лет. Они с семьёй находились в тылу в городе Пржевальск Иссык-Кульской области (Киргизия).

По воспоминаниям Елены Ильиничны, в 1933 году умер её отец. В семье на руках матери осталось семеро детей. Детство было горьким и трудным. Жили у бабушки. Старший брат Дмитрий выучился на комбайнера-тракториста, помогал семье, чем мог. В 1937 году, как многодетная семья, получили от государства помощь в размере 3000 рублей. По тем временам это были большие деньги, поэтому мама Елены Ильиничны смогла купить домик и корову. Вели сначала единоличное хозяйство, а когда открылся колхоз, вступили туда. Стали немного подниматься, а тут война началась... Весь народ - и стар, и млад, встали на защиту своей Родины. Старших братьев Елены Ильиничны тоже призвали: Никиту - в армию, а Дмитрия - на фронт. Сестры остались с младшим братом Костей.

После шести неполных классов пошла в колхоз работать. Это были трудные, тяжёлые годы изнурительного труда. В колхозе картошку и свёклу сажали, окучивали и пололи, не отставая от старших.

Елена Ильинична с теплотой вспоминала свою маму: «Спасибо маме нашей, ни одного не бросила, ни одного не отдала. Работала не покладая рук. Уедет на работу, нарубит какой-нибудь травы сечкой, заварит и накормит нас (как поросят). Вот так и жили».

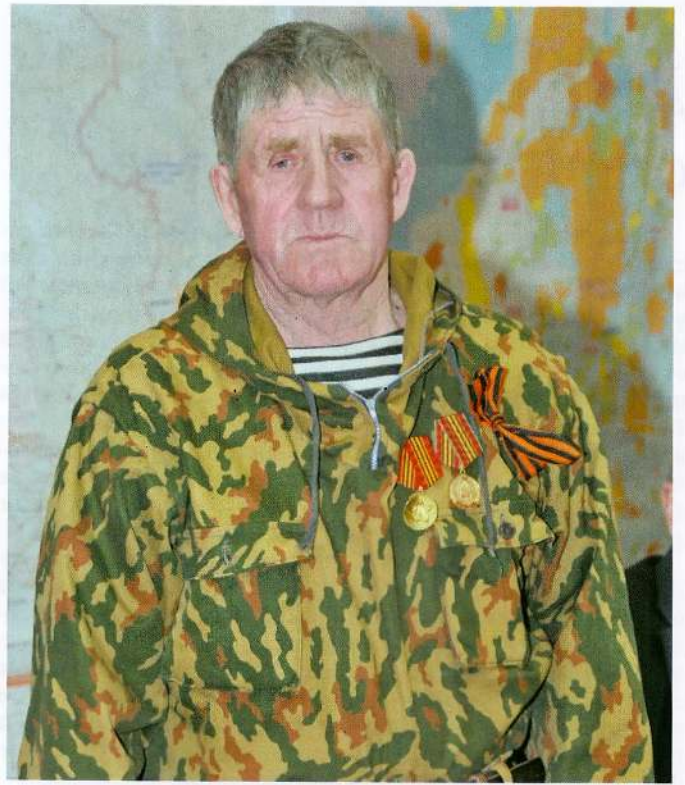
В тылу как на фронте

Родился **Яков Иосифович ПЕЧЁРКИН** в отдалённой деревне Ламбино Тюменской области в 1931 году. Уже в ранней юности пришлось повзрослеть не по годам, ведь детство, прошедшее на военное время, не слишком располагало к радости и беззаботности, в многодетной семье каждый старался привнести посильную лепту в семейный бюджет. По характеру Яков очень решительный, смелый, целеустремлённый, наверное, поэтому испытать в своей жизни ему довелось многое.

- Закончил первый класс и на этом моя учёба... началась война. Мы мальчишки наравне со взрослыми стали работать. Помню в 43-м году уже самостоятельно пахал. Я на тракторе, а пацанёнок помладше на прицепленном плуге – вот такая трудовая бригада. Ох, и тяжело давалось, наших силёнок еле хватало: за ручки завода крутанём, а нас аж отбрасывало отдачей... Так в полях всё военное детство и прошло, вплоть до 1945 года, - вспоминает Яков Печёркин. – Работа в тылу была не менее важна для Победы, так как наши заводы, колхозы всё делали для солдат, для отправки на фронт. Женщины вязали тёплые вещи, шили кисеты для табака...

Военное время – сложное, и даже не тем, что приходилось работать до упадка сил или жить впроголодь и нищете, труднее было в психологическом плане. Мы постоянно интересовались, что происходит на фронте, ждали каждого наступления. Здесь же, как на фронте была своя дисциплина, в каждом селе находился особист и вершил судьбы людей. Пять минут опоздания на работу прощались только на первый раз, на второй – судили, год в лагере. Все недочеты в работе оценивались по законам военного времени как измена или вредительство. Вот вам и далёкий тыл. Ничего, выстояли, победили...

Через четыре года после окончания войны, Якову Печёркину предстояло ещё он долг отдать родине. По совету деда он добровольцем записывается в ряды советской армии. С Тюменской области поезд умчал его Дальний восток. В 1950 году служил на Камчатке, где воочию узнал, что такое землетрясение в семь баллов и цунами. На Север приехал в 1951 году: жил в посёлке Долгом и работал на шпалорезке. До сих пор он помнит тех,

кто был причастен к теперь уже исторической 503-й стройке. После её закрытия, перебрался в Красноселькуп, имея за плечами опыт новой профессии – моториста. Здесь он стал специалистом районного масштаба: руководство исполкома послало его получать первую электростанцию. Да много чего ещё сделал этот простой труженик для района, каждодневным трудом отдавая свою душу людям. Его военная закалка отражается в высоком чувстве справедливости, равнодушии к бедам других, безграничной любви к природе и Северу, ставшему второй родиной.

С блокадного Ленинграда

Судьба пожалела **Галину Владимировну ТАРАСЕВИЧ** – война оставила её в живых, хотя смерть ходила совсем рядом. Её воспоминания основываются лишь на рассказах тех, кто тогда был рядом, да на том, что она сама увидела в послевоенное вре-

мя. Может быть это и хорошо, что двухлетняя девочка ничего не осознавала, когда жизнь её поломалась в одночасье: она потеряла маму, папу и дом в Ленинграде – городе, в котором родилась.

- Папу Макарова Владимира Дмитриевича сразу на фронт забрали, а мама тогда работала на хлебокомбинате, – рассказывает Галина Владимировна, – родных у меня нет, поэтому всё, что удалось впоследствии узнать от воспитателей детского дома это то, что мама умерла почти сразу после его ухода. Я попала в дом малютки по улице Кропоткина. Конечно, ничего не помню, знаю только, что нас вывозили по Ладоге и эвакуировали в Красноярск.

Только там я начала осмысливать себя. Голод в эвакуации не помню, а вот когда возвращались на поездке домой – помню. Мне тогда уже пять исполнилось. Ещё карточки на хлеб помню, разрушенный город и немцев, которые его восстанавливали под конвоем. Мне, наверное, тогда опять повезло: в других детских домах было не такое хорошее обеспечение, как в нашем: кормили досыта, одевали добротно. Мне, когда приняли в училище, даже и не поверили, что я из детдома – такой у меня был полный чемодан. Некоторые из семьи с таким чемоданом не приезжали (смеётся). Так было потому, что над нами шефствовала академия Кирова. Помню даже, что на выходные нас брали её работники домой погостить. Я всё в семью какого-то полковника ходила. Там у них девочка была – моя ровесница. Она мне конфеты отдавала, потому что у неё их было много. Помню, что нас в музей часто водили. Когда я закончила пятый класс, поступила в престижное училище, где учили на реставраторов, маляров, отделочников помещений. Вообще-то туда принимали только после восьмого, но директор детдома Эльга Марковна устроила меня после пятого, поэтому в 16 лет я уже имела профессию.

Потом устроилась на работу, получила место в общежитии и жизнь закрутилась. Но это уже совсем другая история...

Дети похожи на стариков и старушек

Жителей города Сергиевск Самарской области война застала врасплох. **Виктория СУДАРЕВА** в ту пору училась в четвертом классе. С того момента жизнь резко изменилась. - В учебную программу тут же ввели специализированный предмет, где и обучали нас военному делу с целью дать достойный отпор врагу, если он доберётся до нашего города. Школу топили дровами, писали на газетах при лампах, - воспоминания Виктории Кузминичны, - нормальной бумаги не было. Весной и летом всем классом работали в колхозе - картошку копали, подсолнухи срезали. Расплачивалось же с нами сельское хозяйство продуктами. Тягостное было время, но некуда не денешься: в эти годы я обморозила себе пальцы рук и ног.

Начни только вспоминать. И, как бусы на нить, воспоминания нанизываются одно на другое. Детей-блокадников на военных грузовиках привозили в больницу, где отец заведующим работал, - оборванных, больных, с недетским горем в глазах. Я и раньше слышала о блокаде, но встреча с маленькими ленинградцами потрясла меня. Голодом и войной измученные, они были похожи на стариков и старушек. Родители из дома несли все в больницу: дрова, пищу. Старались создать комфортные условия проживания для пациентов.

Работали на пределе физических и моральных сил. Каждый день почтальон разносил по городу похоронки, изредка и письма от солдат. Ежедневно то в одной, то в другой семье сидели матери, жены и дети. Но жизнь не останавливалась на этом. Оплавав родных, они выходили вершить тяжёлое мужское дело: сеять и растить пшеницу, рожь, косить траву, пилить дрова.

Не хватало еды, одежды. Хлеб пекли из муки вперемешку с лебедой, очистки картофельные добавляли... Подумать только - мы ещё и «урывали» время, чтобы организовать какой-то

концерт, поставить пьесу. В клубе стоял такой холод, но все равно усердно репетировали, а потом дарили зрителям такие замечательные произведения, как «Снежная королева» (костюм для главной героини смастерили из марли, туфли из прозрачной клеёнки), отрывок из знаменитой комедии «Свадьба в Малиновке» и другие. Те годы жили и живут в памяти отчётливо и ярко до мучительности. Порой кажется, что помню каждый час военной жизни.

«Киндер, гут-гут-гут»

Лидии Никифоровне ПШЕНИЧНОЙ исполнилось 11 лет, когда началась Великая Отечественная война. Она вместе с родителями, сёстрами и братом проживала в деревне Будяки в Хиславичском районе Смоленской области.

- Никто не объявлял, что началась война, - вспоминает Лидия Никифоровна. - Сами увидели перемены - с ужасом наблюдали, как немецкие самолёты со свастикой низко шли над деревней в сторону Москвы. Старики и дети остались в деревне, а молодёжь отправили окопы копать. В июне 1941 года деревню оккупировали гитлеровские войска, в ней обосновался карательный отряд. Все побежали в лес - в деревне никого не осталось. Люди брали с собой вещи, забирали скотину.

Отца моего на фронт не взяли, он был ранен, и были отморожены ноги. Ему велели гнать колхозный скот через города Ярцево, Сафоново в Ельню. Немцы догнали, пришлось вернуться со стадом обратно. Пришёл в деревню - нас нет. Стал искать и нашёл. Вернулись в дом. Иногда задумываюсь, уж лучше бы отец на фронт ушёл, может, живой был. Два раза немцы его сильно избивали. Доставалось и нам, детям.

В нашей деревне жил учитель, еврей по национальности. Он учил мою старшую сестру и брата. Когда началась война, в городке Петровичи, где проживали преимущественно евреи, всех расстреляли, а он каким-то образом успел убежать, и скрывался рядом с нашей деревней, в сараях, где раньше держали скот. Отец знал о нём и помогал, но нам, детям, не рассказывал. Мама переживала: «Ой, Никифор, не ходи к нему, а-то и нас постреляют»... Донесли. Папу забрали. Мама пошла, на колени встала, стала просить, чтобы отца не губили. Отпустили, но он месяца два не ложился, спал сидя, так сильно побили палками. Два раза и мы, дети, страдали от жестокости немцев.

Немцы не унимались, на чужой земле чувствовали себя полновластными хозяевами. У кого корова – носи молоко, сдавай им. Отца побили тогда за то, что он не собирал для них молоко. Приходилось мне относить им молоко в «горлачиках» (кувшинах), ведь банок не было. А я отолью молока младшей сестре, воды долью и несу. Немец подойдёт, посмотрит пристально и по ногам палкой водит: «Киндер, гут-гут-гут». Вынес мне маленькую шоколадку, а я думаю: «Попей-попей – пропосишься». Если ты не сдашь молока, будешь корову доить при нём. Одна женщина решила не всё молоко выдоить, а немец – под корову, проверил, что молоко есть, и палкой грозит. Тут уж будешь доить. Нам ничего не оставалось, как ходить на работу к немцам, выращивать зерно, косить сено и укладывать в стога. Но, признаться, не так немцев боялись, как полицаяв – русских, служащих в полиции. Те лебезили перед немцами, пытались выслужить, получить похвалу, подражали им в жестокости и садизме.

Всё было страшно. Жить в оккупации вообще страшно, но нужно было выживать. Еды не было. Помню, с младшей сестрой ходили за 3 км от деревни, где была посадка липы. Наберём листьев, высушим и в ступе перетираем в зелёную муку. К муке добавляли немного воды и без жира запекали лепёшку на сковородке. Крошилась сильно. Ходили за ягодами. За счастье было весной найти прошлогоднюю картошку на колхозном поле. Дождь её вымоет, высохнет, и от выступившего крахмала она становилась белой. Мы с сестрой пошли в чужой колхоз, собрали корзину сухой картошки и уже мечтали, что приготовим лепёшки. Вдруг видим, паренёк идёт. Как он за корзину уцепился! Я за него! Держу корзину, из рук не выпускаю. Выдрала её, передала сестре, а сама его держу, чтобы сестра домой

убежала. Стукнула по голове, а он до встречи с нами по кустам ходил и в гнёздах собирал яйца птиц, складывал в шапку. Эти яйца растеклись по лицу, он меня не видит, я и помчалась домой. Часто потом с сестрой вспоминали этот момент, смеялись.

Деревню освободили от оккупации в сентябре 1943 года, советские войска отвоевали Смоленск. Но, когда немцы отступали, все дома в деревне спалили. Мы из леса наблюдали, как наш дом поджигали... Они-то думали, что теперь всю жизнь здесь будут жить, царями будут, а тут не получилось.

Пришли на пепелище. Ни вещей, ни одежды не осталось. Какое-то время жили в 6 км от нашей деревни у тёти, но потом вернулись в Будяки. Какую испытали радость, когда нам объявили, что война окончилась. Люди в деревню возвращаться стали. Нужно было колхоз поднимать, поля засеять, а зерна нет, собирали буквально по зёрнышку. Нечем было обрабатывать почву. Пересохшую землю перекапывали лопатой, и работали босыми ногами. А как радовались урожаем! Постепенно люди обживались, скот разводили в колхозах. Ведь не зря немцам приглянулся наш колхоз – «Коммуна им. Ленина», до войны он был первым на Смоленщине и самым крупным.

Деревню нужно было восстанавливать. Кто баню поставит, кто в землянке живёт. Так и свой дом отстраивали с нуля. Сами делали кирпичи для печи: нашли глиняное место, добавляли в глину воду и вымешивали массу босыми ногами. Делали ящик длинный с двумя отделами, плотно закладывали полученный сырец. Через два-три дня кирпичи подсыхали. Из них и выкладывали печь. Строили дом – брёвна на себе носили. Послевоенное время было трудным, но мы трудились с лёгким сердцем, зная, что наша страна освободилась от гнёта фашистских захватчиков.

Трудились на совесть

Своим чёрным крылом война задела и большую, дружную семью **Марии Ивановны АКИМОВОЙ**, которая родилась в селе Новая Шиншиновка Пугачёвского района Саратовской области. Отца сразу же забрали на передовую. В одночасье изменился уклад деревенской жизни. Народное хозяйство было поставлено на военный лад – всё было подчинено интересам фронта. На тяжёлую работу на полях выходили женщины, старики, дети, заменяя мобилизованных мужчин. Из обыкновенной беззаботной девчонки Маша превратилась в рьяную труженицу: участвовала в посевной, убирала урожай. В то время погонщиками, водовозами, подвозчиками семян были совсем юные ребята, которые не отставали от взрослых и также встречали восходящее солнце на полях. Трудились на совесть, а в их сердцах всё сильнее разгоралось желание отстоять Родину и люта ненависть к врагам. Между тем с тревогой и надеждой каждый день родные, да и сама Мария, ждали почтальона. И через несколько месяцев в первый же год наступления фашистов в их дом пришла похоронка. Буквально выбила из сил маму плохая новость: «Что же теперь делать буду одна? Куда же я с вами?» Машенька тут же поспешила успокоить обесилвшуюся от горя мать: «Я ж уже большая – вместе справимся!» В четырнадцать лет она устроилась нянечкой в ясли при колхозе имени Калинина, заботливо ухаживала за малышами и своей мамочке успевала помогать, на руках у которой в тот момент осталось, кроме неё – старшенькой, ещё пять несовершеннолетних детишек.

- Вскоре начали прибывать эвакуированные, – вспоминает Мария Ивановна, – Чтобы как-то выжить и прокормить семью, мы свой дом сдали квартирантам, а сами заселились на кухне молочно-товарной фермы, где мама трудилась. Она почти всегда перевыполняла сменные нормы выработки, ведь на плечах женщин-колхозниц тогда было всё хозяйство. Но до хорошей жизни нам всё равно было далеко. Голодали часто, ели даже сусликов, тайком собирали колоски, да хлеб пекли из ржаной муки, перемешанной с клейстером, отрубями, шелухой. Все равно не согнулись пугачёвцы, а стали ещё сильнее духом, мужественнее, выносливее. Деревня Марии Акимовой нашла в себе силы для того, чтобы выстоять, справиться с трудностями. В последующие годы колхоз имени Калинина ни на один гек-

тар не сократил размер довоенной посевной площади. И я на этом предприятии отработала много лет, освоив все рабочие специальности: и пахала, и сеяла, и охраняла колхозное имущество. Приходилось и самой учить, и приобретать опыт у профессионалов. Жаль, что средне-специальное образование получить всё же не вышло – семилетку только окончила. Всю жизнь работала на совесть.

Жизнь распорядилась так, что Мария Ивановна приехала жить в красноселькупскую Тольку. Но так сложились обстоятельства, что сегодня ветеран проживает в доме-интернате «Милосердие».

Сто грамм хлеба

Война пронзительной стрелой вошла в жизнь **Гамбилла ГИБАДУЛЛИНА**, и круто повернула всю его судьбу. Десятилетний пацан тогда учился в школе, в свободное время встречался с друзьями... В то утро мало кто знал, что по нашей земле уже движутся танки, что по нашим дорогам пылят вражеские мотоциклы, а гитлеровские самолеты бомбят наши города. Фашистская орда вторглась на нашу землю. И все вдруг изменилось. Казалось, что дни и недели начали ползти очень медленно, непосильная работа для подростков и женщин стала неотъемлемой частью их жизни. В небольшой деревне в 60 км. от г. Казани Татарской АССР все трудились от зари до темноты, невзирая на холод, голод. Тракторов не было, их заменяли лошади. Все добытое отправляли на фронт, порой себя голодными оставляли. Сто грамм хлеба выдавали на человека, но этого было недостаточно для нормального существования. Некоторых спасала собственная усадьба – картошку сажали, овощи. Никто не жаловался на усталость, так как всем хотелось скорого воз-

вращения родственников с войны. А чтобы это событие приблизить, солдат нужно поддерживать.

Отец Гамбилла тоже участвовал в боевых сражениях. В 1943 году он получил ранение, и шесть месяцев лечился на родине. Как только оправился от болезни, его снова призвали в армию. Таким образом, ему довелось пройти всеми фронтовыми дорогами.

Тем временем уже повзрослевший Гамбилл умел выполнять всю мужскую работу. И легко занял должность помощника комбайнера. Спустя пару лет в город подался, чтобы хоть что-то заработать. Параллельно окончил ремесленное училище. Потом забрали на службу в Вооруженные силы. После армии устроился в родном краю трактористом, им зарплату гарантировали – пять килограмм хлеба и один рубль за трудодень. Молодой специалист сразу получил новый трактор. Два года прожил и проработал там. Потом 10 лет посвятил труду на шахтах. Случилось непредвиденное: когда находился в недрах земли, сверху породой придавило. Так Гамбилл Сафиевич стал инвалидом. Пришлось перебраться на Север к младшему брату в Красноселькуп.

Всё — на нужды фронта

В воскресный день 22 июня 1941 года в райцентре Омутинское на юге Тюменской области шло народное гулянье – позади посевная, молодежь на природе устроила сабантуй. Фаина вернулась в село пораньше, и увидела, что люд собрался возле репродукторов. Притихшие слушали горькую весть о начале войны. Почти сразу же мужское население получило повестки, и в ближайшие дни организовали проводы на фронт. Семья **Фаины Александровны ЧИХУНОВОЙ** была небольшая – она с сестрой и племянница, у мамы сильно болели ноги, почти не ходила, да и отец хворал. В тот год пришла война, а в августе схоронили и отца. Все тяготы о семье легли на плечи 16-летней Фаины. После восьми классов пошла устраиваться на работу, помогли знакомые и посоветовали прилежную, грамотную девушку секретарём-машинисткой в райисполком. Труд оказался не простой, через неё шли все сведения, поступающие из области, сами отправляли множество сводок и документов о том, как тыл помогает фронту, поэтому Фаина была в самом эпицентре новостей, и работа казалась интересной. Но на этом её рабочий день не заканчивался, так как помимо прямых обязанностей все население было обязано работать в колхозах. Вот и получалось: днем за печатной машинкой, а в ночь – на поля, или наоборот, успевала пару часов поспать, перекусить и снова на службу. Печатать по ночам приходилось при керосиновой лампе.

Хотя и выращивал колхоз много разной сельхозпродукции, но почти всё отправлялось на нужды фронта. Более того, с каждой семьи устанавливалась норма сдачи продукции с собственного хозяйства.

Очень голодно жилось в тылу. Питались крайне скудно, в основном собирали травы, кой-какую ягоду, крапиву, лебеду, свекольный лист, корни репея. А еще большие листья травы кобылятника, которые дробили в ступке, добавляли чуток муки и стряпали из этой массы лепешки. Ребятишки так мечтали о обыкновенном душистом хлебе! «Ничего, скоро наши победят, будем есть», – успокаивала мама.

О том, чтобы что-то взять с поля, хоть колосочек – об этом

даже и речи не могло быть. Все выращенное на своих участках колхозники так же сдавали на заготовительные пункты. Семья Фаины продержалась в войну благодаря корове. Им необходимо было каждый вечер сдавать молоко, и не абы как – если жирность молока маленькая, на 10 литров больше принести надо. Нельзя не сказать и о том, что законы военного времени были суровы. Фаине платили зарплату за работу в исполкоме, но приобрести на эти деньги хоть что-то не представлялось возможным. Просто потому, что мала и ничего не было. Ценилась картошка, на неё можно было обменять другие продукты и вещи. Особенно запомнилось Фаине, когда привезли эвакуированных из блокадного Ленинграда. И ведь время было тяжелым, но не было таких среди деревенских, кто бы остался

безучастным к их беде. Блокадники были расселены по домам омутинцев. «Они как сейчас перед глазами стоят: в старье, голые, с малыми детками. Каждого хотелось обогреть, приютить», - вспоминала Фаина Александровна.

Деревенские делились чем могли. Хотя и сами особо ничего не имели. Везде в тылу по заданию райкома собирали посылочки на фронт. Женщины вязали носки, рукавицы, кисеты, и обязательно вкладывали письмецо - «Бей врага боец,

мы верим в тебя, страна сделает все, чтобы помочь фронту». Порой в село приходили ответы, в которых бойцы благодарили за поддержку, ведь каждый из них знал и понимал, что где-то и его родные отдадут все силы на общее дело победы.

9 мая 1945 года запомнился Фаине Александровне как особенный день. У многих в Омутинском к тому времени в домах было радио. Сельчане не скрывали радости, услышав известие о победе. Это был, действительно, народный праздник. Вскоре стали возвращаться домой и фронтовики.

«Для меня забота о ветеранах — святой долг памяти детства»

Борис Григорьевич ПУРТОВ, почётный гражданин муниципального образования Красноселькупский район, с января 2002 года по 2014 год был председателем районного Совета ветеранов и труда. Он сам родом из военного детства, поэтому как никто мог понять проблемы и чаяния тех, чью юность опалила Великая Отечественная война.

- Когда началась война мне было пять лет. Отцы друзей уходили на фронт, и 15 августа 1941 года пришла повестка и моему отцу. Врезалась в память война. Для тружеников тыла было трудное время, но никто не жаловался — все ждали победу. Старики, женщины и дети работали на фронт, а значит, тоже приближали долгожданный день. Нам, детям, безумно хотелось поесть и выспаться, но видя, как работают на износ, наши матери и старшие братья и сёстры, перебарывали усталость и голод, шли им помогать.

Ясно помню день, когда нам принесли похоронку на отца, но мама каким-то «седьмым чувством» поняла, что её принесли по ошибке, что отец жив. Чтобы это выяснить, она одела валенки и пошла в соседний посёлок, который находился в 90 километрах от нашего. И действительно, похоронка была адресована однофамильцу из соседнего села.

Не забудется и 9 мая 1945 года, когда всему населению оповестили о том, что война закончилась. Счастье было бесконечным. Потом мы долго ждали отмены карточной системы и дождалась её в 1947 году. Много трудились мы и в послевоенное время, наш советский народ сумел в короткие сроки восстановить народное хозяйство и жизнь в стране.

В Красноселькупском районе всегда особое внимание уделяется ветеранам ВОВ. Глава муниципального образования Василий Паршаков считает, что поздравить старшее поколение с праздником 9 мая — это дань уважения и благодарности за Победу. (фото 2012 года).

Одежда для солдат

Мария Васильевна БАТИЩЕВА родилась в 1926 году в п. Малый Сомовец Тамбовской области Бердяевского района.

В 1931 году, в возрасте пяти лет всю семью выслали в Казахстан, Оskarовского района. Работать пошла в 1942 году на швейную фабрику швеей. Там Мария Васильевна шила обмундирование, которое сразу же отправляли на фронт. Света тогда не было, лишь свеча да керосиновая лампа по вечерам помогала ей в работе.

Президиумом Верховного Совета СССР Мария Васильевна была награждена медалью «За доблестный труд». Реабилитировали 14 апреля 1993 года.

Ради Победы

С семилетнего возраста началась трудовая жизнь **Евгении Павловны БРЫЛОВОЙ** в поле. В 1941 году ей исполнилось 13 лет. Она работала на лесозаготовках. Валила лес, раскрывывала. Чурки отправляли на военный завод, где изготовляли ружья.

Летом работала в совхозе. Ходила за машиной, срезающей колосья, увязывая их в снопы. Зерно возили за 27 км в заготзерно. Затем муку отправляли на фронт. Сами голодали, ели липовые листья. На обед получали по 200 гр. муки. Из нее делали болтушку, а там оказывалась одна мякина.

Когда обрабатывали зерно нельзя было брать ни грамма, сразу тюрьма. Весной ходили на поле, выискивая мороженный картофель. Очень радовались, если случалось найти. Выходных дней не было. С утра до ночи работали для фронта.

Мы знали: победа за нами!

Главная радость победителя

“С К”

Учредители: Совет народных депутатов Красноселькупского района.

ИЗДАТЕЛЬ — комитет по печати и средствам массовой информации Ямало-Ненецкого автономного округа.

Телефоны:
Редактор — 2-13 94,
ответственный секретарь — 2-12 28.
Приемная — 2-12 28.
Отдел общественно-политической жизни — 2-12 28
Бухгалтерия — 2-14 18.
Типография — 2-13 80.

Адрес редакции:
626740, Красноселькуп,
улица 40 лет Победы,
д. 24.

И. о. редактора
Л. П. ТАТЧИНА.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономических-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точки зрения автора.

Подписка на «Северный край» производится без ограничений органами «Союзпечати», почтовыми предпрятиями и общественными распространителями печати.

Дежурный по номеру
В. М. РУСНАК

КОРРЕКТОР
Н. Н. ФАЙВИСОВИЧ

Подписано к печати
4. 05. 89 г.

Заказ № 207
Тираж 1122 экз.
Объем 2 п. л.

Газета отпечатана способом высокой печати.

Индекс 54361.
2

— Аркадий Филатович Андреев боится: то в больнице лежит, то дома нездоровится. Годы берут свое. Восьмой десяток менять человеку вообще не просто. А тут глухота доминат — сказались такие последствия контузии.

Первые взрывы снарядов и авиабомб, которые ему довелось услышать под Ленинградом, в болотах чем-то похожих на красноселькупские, вообще, перевернули представление о мире — о том, что может творить человек.

Правда, со временем привык, что подтверждало своему — нет такой напасти, к которой не мог бы привыкнуть тот же человек.

Первыми из семьи погибли два старших брата. Уже плыло обобщение о том, что они пропали в море, когда в нем в 1943 году вручили медаль.

Сборы были недолгими, все вышло на ветке — до Фаркова (тогда район был в Красноярский край) оттуда поездом, поездом... Все было необычным. Виточки, маскхалаты, ружья за плечом.

— Раньше помнил много, сейчас уже за был, — рассказывает Аркадий Филатович,

который специально для разговора со мной поднялся с постели и приоделся.

Год фронтовой жизни остался в его памяти не столько боями, сколько ожиданием того, что предотвратит целая.

Очулся он после контузии уже в госпитале. Пока лечился... Уже и Победа, Медаль «За Победу над Германией», «Была еще одна, — говорит ветеран, — потерялась». Да глухота вот и все что осталось на память об этом годе... До войны и после, пока не вышел в 1973 году на пенсию, работал оленеводом, рыбаком. Да и будучи на заслуженном отдыхе еще очень долго помогал совхозу.

— Три года болел. Наверное скоро уже уйду туда, — говорит он философски. Вздыхает о несущественных вещах. Мысль о том, что обещали артистам в день Победы.

Были при этом ответственными за работу у нас в Ямале, в котором тогда было много молодежи. Потом

горька. Квартиру отдали погорельцам.

Высокий, поджарый. Многие жители Красноселькупа заломпили его именно таким, называвшимся на районной трибу-

не во время праздничных торжеств. Но совсем недавно часто встречался с ним в устье. С истинно русской широтой души всегда повдворагается с улыбкой, рассказывает о делах. О своих зботах, правда, говорить не любил. Сейчас много молотрубно. Редко его встретить на улице.

— Дети заходят часто. Помогают, — скрытой гордостью сказал он.

Я знаю Юру, сына его и дочь Ира Козлову (о нем мы недавно писали) — таких не стыдно. И в них сейчас главная радость победителя. Дети выросли такими каких говорить не стыдно.

Еще один День Победы. Если хватит сил, надеет свои медали (к боевым годам мирной жизни прибавились юбилейные, трудовые награды). Если хватит сил.

Боже, как их мало осталось и как они состарились, эти люди, вынесшие на своих обремененных плечах бремя самой тяжелой войны, какую знало человечество. И оплатили мы им свой долг. И вместе с поздравлениями хочется добавить «спасибо» и «простите».

А. ТЕРЕНЬ

Часть III

Если б не было войны

— Сейчас без моторной лодки за рыбой не поедут. А мы ловили рыбу так. Кто на лодке, кто на баркасе, асельным ходом добрался до места лова. Там спускали невод длиной метров 150, а потом его вытаскивали. Работа мужская. Рыбы было не то, что сегодня. Однажды за один раз 18 центнеров выгнали. Пока дело шло, уже и вечер. Рыбу не оставили. Невод развешивали на вешала, а лодки за веревку и как бурлаки по берегу тащили. Славилась рыба. Если не всю забирали — приходилось снова назад возвращаться. И так, пока всю не перевезем, — рассказывает о том, как рыбачили в годы войны Эмилия Генриховна Андреева.

— Помогли вылавливали?

— Получим задание и ловим пока не выловим.

— Сколько человек в эвене было?

— Пять.

— Все женщины?

— Нет. Были и мужчины. Да вот он и был, — показывает Эмилия Генриховна дочь Константины Павловны, своего мужа. Его на фронт не взяли из-за плохого зрения.

— Основное, что давал фронт наш район, была рыба. На здешнем рыбозаводе засоливали, фасовали в бочки и отправляли. Базели в основном оленями и лошадьми.

Мы все знаем, что в войну появились в Красноселькупском районе немцы. Я лично, считал, что выслали их с приволжских степей, как потенциальных врагов. Но в разговоре с Эмилией Генриховной понял, что причина не только в этом.

— Когда нас вывозили в 1941 году из Саратовского края, говорили, что едем на 3 месяца. Привезли в Красноярский край поездом. Мама погрузила на судно и аж в сентябре сошла на сушу. Многие не доехали. Умирали от голода и болезней. В Красноселькупе еще долго держали нас на плыву. Спасались только рыбой, которую нам вопреки запрету, давали местные жители.

Привезли сюда немки в качестве рабочей силы для рыбозавода. И трудились они на Победу точно так, как весь советский тыл.

— Врагами мы себя не считали. Я, мои родители, деды, прадеды родились на русской земле. Тут их могилы. Но кто знал, кто мы и что. Слово «немки» воспринималось как «враг». Такими нас и считали. Мы понимали причину. Не обижались. Но... Ежедневно надо было отмечаться. Не имели права встать. И так до 1953 года, пока не умер Сталин.

— Все, что мы умели раньше, здесь было не нужно. Приходилось всему учиться:

и рыбу ловить, и юкولو, и рыбий жир (давали такой сам и в аптеках не покупали, изготавливали и на оленях ездить... Жили не только в Красноселькупе. Везде, куда послали за рыбой. В Тольке, Ратте, Киккинаках, Чаельниках...

Спрашиваю:
— На авторские отразилась тяжелая работа?

— Как сказать? Семерых родила. Все живы, здоровы и устроены.

Детей Эмилии Генриховны и Константины Павловны Андреевых представлял читателям не надо.

— На Родину не тянет?

— Вздыхала я в 1973—74 году туда, где родилась. Побуду немного и домой таяну. Здесь моя Родина. И никуда я отсюда не хочу.

Вот так повернулась судьба рабочей рыбозавода, попавшей сюда без всякой нашей воли. И от этого труд ее был более тяжелым.

Ужасная несправедливость, что мы и вольно долго не осознавали этого. Это и их Победа.

С праздником вас, дорогие женщины-немки, заброшенные в наш район для работ на эту войну! Это и ваш праздник.

А. ТЕРЕНЬ

А. КЛАУЗЕР: А ЖИЗНЬ БЫЛА ТЯЖЕЛАЯ

С каждым годом становится все меньше и меньше тех, кто видел войну, участвовал в ней и трудился в тылу. Среди тех, кто работал для фронта в нашем районе, были и репрессированные немцы, переселенные из Саратовской области. Долгие годы замалчивалось то, что они наравне со всеми работали, вынесли все тяготы военного времени.

Много лет живет и работает в нашем районе Амалия Егоровна Клаузер. Красноселькуп стал ее второй Родиной. Никогда не забудет она и те суровые, военные годы.

— В 1942 году нашу семью, — рассказывает А. Е. Клаузер, — 4-х братьев, маму и меня эвакуировали из Саратовской области в Красноярск. Приехали осенью, а немцы родных оставили здесь. Меня же отправили на работу в Ратте. Перед дорогой выдали одежду, так как с собой, практически, ничего не привезли — при эвакуации не разрешали брать. В дороге были шесть месяцев. Поехали в июне, а там в ноябре приехали в Ратте.

Было мне 19 лет. Сразу же по приезде отправили в лес. Выдали топоры, дилы, и я еще с двумя девочками занималась заготовкой древесины. Условия работы бы-

ли ужаснейшие. Норма высокая — полагалось заготовить в день два кубометра на человека. Если ее выполняли, то нам выдавали по 200 граммов хлеба на одного человека. Ну а не сделал — оставались без ничего. А в основном питались рыбой: варили, жарили и просто ели в сыром виде. Работа для молодых девочек была тяжелой и трудиться приходилось, конечно, очень много. При этом не знали, что нас ждет в будущем, так как с самого начала предрешили — раньше чем через 20 лет вы отсюда не увидите. Пришлось мне работать и на рыбоучастке в Ратте. И лет занималась приемом рыбы.

Жизнь была тяжелой. Приходилось много и голодать, и терпеть жуткий холод. Вспоминается мне один случай. Однажды летом 1944 года мы с девочками добрались в Красноселькуп на плоту. Очень нужен был хлеб, его не было ни в Тольке, ни в Ратте, ни в Киккинаках. Люди пухли с голоду, и он был просто необходим. С большим трудом добрались до Красноселькупа. Загружались мукой и тронулись в путь. Сначала завезли муку в Киккинаки, потом в Тольку. И можно сказать, что спасли людей от верной смерти.

Как сейчас помню день Победы? В те день, как обычно спалимы и топорачи рано утром шли на работу. Не успев присутствия, когда нас охватила бригада. Велела всем собраться в поселок. Когда пришли туда, там уже собрались все жители. И все нам объявили, что война окончилась. Было очень много слез. Но у меня не только слезы радости — мы и преждему не знали, что будет с нами дальше. Жизнь шла своим чередом, обилии распрях див, работа с утра до вечера, скудная пища. Вскоре после Победы нам выдали паспорта, стали мы свободными гражданами и могли свободно переезжать в любой конец страны.

Вся жизнь прошла в труде. Переехала с маленьким сынишкой в Красноселькуп. Пошла работать в больницу. С 1965 года трудилась поваром. Много пришлось и трудиться Амалия Егоровна. Да она и сейчас не сидит без дела, хоть и на пенсии. Занимается хозяйством — держит поросат, сабит картошку, обеспечивает себя и внуков. Прибавило ей работы строительство нового дома, где она оказывает сыну посильную помощь.

В. ТРОИНО.

Если бы не война, всё было бы по-другому...

До войны **Эмма Андреевна ЗАВОНОВСКАЯ** жила в Саратовской области. О тех годах войны вспоминала неохотно, то и дело появлялись слезы.

– Нас собрали в поселке солдаты, перед тем, как вывезти, – рассказывала Эмма Андреевна, – смотрели, чтобы никто не убивал скотину. Потому что вместо нас жить в поселок должны были привезти финнов. Мебель свозили в амбар, говорили, потом все отдадут.

Северная жизнь началась с того, что нас привезли в Красноярск, а оттуда отправили в Красноселькупский район. В район приехали второго августа 1942 года, мне тогда было 19 лет, здесь я работала в трудовой армии до 1945 года. Немцев на фронт не брали, поэтому среди нас были мужчины. Отца и брата отправили работать в трудовую армию в Куйбышевскую область. Мать оставили по состоянию здоровья работать в Красноярске. В милиции у нас сразу забрали паспорта, чтобы мы никуда не выехали. А куда бы мы поехали? Сюда-то с трудом добрались на лодках, да и их приходилось иногда на себе тащить. Ехали из Красноярска в Туруханск, где мы жили неделю в местной школе, потом нас привезли в Янов стан, который находился недалеко от Красноселькупа. Оттуда шли почти все время пешком, потому что не было воды, зато была деревянная дорога, по ней и ходили. Нас ехало 30 человек, потом милиция всех распределила по точкам – на Часельку, в Ратту, Тольку и Кикки-Акки. Я попала в Часельку в 1943 году. Со мной там оказалась женщина с сыном и муж с женой из Ленинграда. Там было всего три дома. В одном был магазин, в другом пекарня, в третьем жили мы. Если бы не война, все было бы по-другому... Разве я думала, что когда-нибудь окажусь на Севере? Для жизни есть места и получше. В школе по географии мы проходили, как живут на Севере люди, что они кушают. Разве я думала когда-нибудь, что так же, как они, буду есть сырую рыбу? Местное население нас боялось, потому что они не знали, что за немцев привезли, из Германии или еще откуда. Они ловили рыбу и сдавали на приемный пункт, но относились к нам они не слишком доброжелательно. Мы рыбу принимали, а сами ее почти не видели. Некоторые из наших немцев были бондарями – делали бочки для рыбозавода. Мы обрабатывали рыбу, мыли ее.

Мой будущий муж был капитаном катера – возил рыбу из Тольки, Ратты и Кикки-Акки. Его катер как-то осенью замерз с рыбой, он пришел к нам в поселок, собрал рабочих для выгрузки рыбы, чтобы баржа выше поднялась. Я тоже

была там. Они хотели, как и остальные мужчины, уйти на фронт, но их из Туруханска вернули назад, работать в тылу. Мы построили в лесу дом, где все вместе прожили до весны, а потом рыбу обратно загрузили и на катере уехали в район. Я осталась на катере матросом.

Зарплату мы не видели, денег я не получала, да и покупать было нечего. Сахар, хлеб и масло нам давали по минимальной суточной норме на человека. Продукты в Ратту, Кикки-Акки и Тольку завозили только конными обозами. Хотя мы войны и не видели, здесь, в тылу было тоже тяжело. Голод кругом, холод, а одежды почти никакой. Первый пароход, еще с колесами, на паровой тяге, пришел сюда в 1946 году, он назывался «Воркута». Первый раз этот пароход привез сюда продукты. До этого ничего не было, местные люди здесь даже умирали с голода. Эти четыре года показались нам намного длиннее, чем в мирное время. Но выжили как-то, выжили... К радисту ходили слушать вести с фронта, все ждали, когда же настанет день Победы. Никогда не забуду этот день. Мы уже тогда жили в Ратте. И после 1953 года долго ещё не менялось отношение к ссыльным.

«15 дней мы жили на одной солёной рыбе»

31 июля 1942 года, испытав невероятные тяготы и лишения в дороге, **Клара Фридриховна ФРИЗЕРГЕР (ГРАУБЕРГЕР)**, одна из многих репрессированных, приехала в Красноселькуп. Распределили на рыбозавод.

– Сразу забрали паспорта, выдали фуфайки, чёрный сатин и оленью шерсть, из которой мы, закладывая между двумя слоями ткани, изготавливали для себя бурки. Поселили нас в школе на берегу реки. Первой работой стало тушение пожара в сорока километрах от Красноселькупа, где горел лес. За два дня мы до него дошли. Закидывали огонь землёй, но это не помогало. Потушили с Божьей помощью: нам на счастье

ночью пошёл сильный дождь. Мы все промокли, зато к утру от пожара мало что осталось, только кое-где ещё тлело и дымилось. Закопали, затоптали остатки пожарища и вернулись в посёлок. Там уже начальство рыбозавода распределило нас по посёлкам. Нам с братиком выпала доля попасть в Ратту, всего туда отправили 35 человек. Увезли людей в Сидоровск, Часельку, Тольку. Нас везти не было транспорта, поэтому мы работали здесь на засольной Красноселькупа. Обрабатывали свежую рыбу: мыли, пороли, солили. Числа 15 августа нас, 20 девчат, увезли на засольный пункт Бондарку на Худосее. На Худосее тогда шла пелядка (сырок). Рыбаки вылавливали её по 70 – 90 центнеров за день. Мы, двадцать девчат, от рассвета до темноты стояли и обрабатывали эту рыбу – и в жаркую погоду, когда было больше 20 градусов, и в холодную, и в дождь.

20 сентября пришёл катер из Красноселькупа. Мы загрузились и поехали в посёлок Толька. Приплыли 4 октября, где к тому времени уже выпал снег. Немного побыли там, и нас

отправили в Кикиакки, где мы должны были заниматься ловлей рыбы. Зимой 1942 года и по 1943 год жили в 10-ти километрах от Кикиакки. Рыбачили подлёдным ловом. В чуме, где мы проживали, стояла железная печь, дров для неё надо было много, вот сами и готовили – носили с леса на себе. В комнате были нары, сколоченные из досок, к стене прибиты несколько досок для стола, а сидели мы на чурках, принесённых из леса. В посёлке у нас ни лампы, ни керосина не было. Для света делали коптилку из рыбьего жира и клали туда тряпочки. Если не было рыбьего жира, то лучиной светили или просто открывали дверцу печи. Ведь к следующему дню надо было постирать, починить свою одежду, рукавицы и эти бурки из ткани и оленьей шерсти, которые без конца рвались. Поверх бурок мы одевали калоши. Чинить-то тоже особо было нечем: каждый лоскуток на вес золота, а нитки скручивали из надерганных из тех же тряпочек нитей или мешковины. Даже бывало так: на улице увидишь обрывок верёвочки, тряпочки, подберёшь, постираешь их и – в дело. Одеты мы были очень плохо, одежда на нас вся порвалась; шили из мешковины штаны, юбки и носили на работе в лесу. Ходили как нищие. Морозы доходили до 58 градусов, мы обморозивали ноги, лица; работали каждый день, активных дней у нас не было. Рыбу добудем, сдадим в засольный пункт, получим талоны на муку, сахар, масло, мыло. Не поймем рыбу – ничего и не получим. Бывало так, что из чешуи уху варили, есть-то все время хотелось. Когда мы в лесу дрова заготавливали, клёпки (тонкие дощечки для изготовления бочек) кололи из лиственницы и донники рубили, нам давали на день 600 грамм хлеба, а на месяц: сахара 700 грамм, масла 500 грамм, муки 400 грамм, одну пачку махорки, полплитки чая и кусок хозяйственного мыла. Охотиться не разрешали, спец переселенцам оружие не доверяли. Это если норму в два кубометра дров на человека в поленицы поставим, а если нет – паёк уменьшался. Бывало, не было спичек, так по утрам ходили на пекарню за углями, чтоб печь растопить. Работа у нас была не только трудной, но и опасной. Однажды, когда рубили клёпки для бочек, нечаянно обухом топора мне попали по голове. Но отлёживаться было нельзя: не сделаешь норму, положенный паёк не получишь. Из денег нам выплачивали только авансы, чтоб могли покупать продукты. Остальная зарплата неизвестно куда девалась, в чей карман попадала.

День Победы встретила в Ратте. Был ясный, солнечный и немного прохладный день. Я убирала в школе, когда объявили, что война закончилась. Нас всех позвали с работы и сделали митинг. Радость, конечно, была большая и смешанное чувство горечи и надежды, а слёзы текли с глаз самопроизвольно и неуправляемо.

Все очень обрадовались, думали, теперь нас отпустят домой. Но этого не случилось.

Летом 1945 года мы сено косили, корзины плели. На Ширте я и четыре женщины из Ратты: Дибикова Ольга, Ирикова Саня, Ирикова Дуся, да мать Гути Калиной – Татьяна – кирпичи из глины делали, известь из камней жгли.

Научили нас как выбирать известковый камень из серого камня: если поцарапать камень ножом, останется белая черта, значит, камень известковый. Напилим брёвен из сухостоя, уложим их в ряд, сверху положим камни, затем на камни ещё ряд брёвен. Поджигаем эту кладку со всех сторон, пока кострище горит, камни нагреваются, накаляются. За это время мы бочки с водой готовим, раскалённые камни в них кладем и размешиваем лопатой. Получается хорошая, густая, белая, как сметана, известь. Этой известью мы белили во всех домах в Ратте. Я тоже вместе с другими женщинами работала на ремонте: мы белили в школе, рыбкоопе, конторе колхоза и в сельском совете. Синьки тогда не было, и чтоб придать извести голубизну, жгли старые резиновые калоши, а пепел добавляли в известь. Приспосабливались как могли.

Осенью 1945 года с братом снова начали работать на рыбоучастке в сорока километрах выше по течению от Ратты на заготовке черёмуховых обручей для бочек. К новому 1946 году меня опять отправили в Кикиакки на заготовку леса и изготовление клёпок, а к весне – на Халимач приёмщиком-засольщиком. Вот я помучалась в то лето: весов не было, рыбу до 20-ти центнеров взвешивала на коромысле, гириями служили камни. Целый день почти на это уходил, а ведь рыбу надо было поскорее послать, иначе она испортится. Бумаги не было, писали на чём попало, иногда сводку писали на бересте. Чернил также не было. Варили чагу до густого коричневого цвета и этой жижой писали свои документы. Посуды тоже не было, использовали всё что можно, Мария (у которой я жила) изготавливала короба из бересты. А однажды 15 дней мы жили без хлеба и муки – на одной солёной рыбе, которую отмачивали и варили, чтоб иметь силы работать и не умереть от голода.

Только в декабре 1955 года принято решение о снятии с учёта немцев-спецпереселенцев и освобождении их из-под административного надзора, но без права возвращения в места, откуда они были высланы. Освобождение пришло после выхода другого Указа от 29 августа 1964 года. В нём говорится о не-обоснованном, огульном обвинении и проявлении произвола в условиях культа личности Сталина по отношению к немецкому народу. Признётся, что немецкое население своим трудом в тяжелейших условиях способствовало приближению Победы над фашистской Германией.

Департация на Север

Кристина Людвиговна ТОНЬКИНА (ВАХТЕЛЬ) родилась в селе Беденгер Унтервальдского района Саратовской области. Веками жили в этих краях рядом с русскими трудолюбивые и законопослушные немецкие крестьяне. Жили бедно, зарабатывая достаток своим трудом и хорошим хозяйствованием. Но с 1941 года для многих началась новая жизнь. Во время депортации переселенцам не разрешили брать из своих домов ничего: кто успел, взять с собой еды на дорогу - тем и кормились все это время.

В Новосибирске детей разлучили с родителями, которых высадили с поезда и отправили в трудовую на работу. А молодых и крепких немецких девушек и парней отправили «на зимнюю рыбалку». По пути следования некоторых из них оставляли в деревнях по берегам Енисея для работы в местных совхозах. И поныне много немецких семей живут в этих деревнях: в Бахте, в Сумарокове, в Фарково, в Туруханске. Оставшихся пересадили на баржи в Туруханске и отправили до Янова Стана, который расположен на реке Турухан. Ещё более труден был путь от Янова Стана до Красноселькуп: по малым рекам, по протокам и по болотам - где плыли на лодках, а где - тащили эти лодки на себе, добирались они до этих мест. Мошка разъедала глаза и лица, лодки иногда тащили по поясу, а иногда - и по грудь в болотной воде.

После приезда в Красноселькуп девушкам выдали спецодежду и распределили по всем прибрежным селам реки Таз - от Ратгы до Красноселькупа. Была уже зима и молодых девушек отправили сразу же на лесоповал для заготовки стройматериалов. Условия были очень тяжелыми: лес валили вручную, пилами и топорами, а норма была - 2 кубометра в день на человека. Питание - 200 граммов хлеба в день. И это при условии, если выполнил норму, а не выполнил - хлеба не выдавали вообще. В основном питались рыбой: вареной, жареной, соленой и сырой. С наступлением лета всех отправляли на рыбозавод. Так они и работали все годы войны: летом заготавливали рыбу для фронта, зимой работали на лесоповале - заготавливали стройматериал.

Кристина Людвиговна Вахтель многие годы прожила в селе Часелька. Здесь же начала работать санитаркой в медпункте. В 1953 году Кристина Людвиговна вышла замуж за селькупа Юрия Ивановича Тонькина, рыбака и охотника совхоза «Полярный». В 1966 году ее перевели на работу в Красноселькупскую больницу, где она и проработала до выхода на пенсию.

«Мы понимали, что с родиной расстанемся навсегда...»

Блюмменфилд в переводе с немецкого — цветочная поляна. Так называлось одно из немецких сел на Волге, которых до начала войны было на Саратовщине множество.

- Мне на начало войны было 16 лет, — вспоминает **Мария Кондратьевна АНДРЕЕВА (ВЕБЕР)**. — После объявления приказа Сталина о нашем переселении из немецких сел, плакало всё население Блюмменфилда: и стар, и млад. Мы понимали, что с родиной расстанемся навсегда... Отца моего еще в тридцать седьмом черный воронок забрал, и неизвестно — где похоронен. Всё разрушилось... Погрузили нас с братьями, сестрой и больной матерью в Саратове, как скот, на товарные вагоны, повезли в Алма-Ату. Так начались наши страдания.

В Алма-Ате шло формирование состава на Север. Часть моих земляков попала в Среднюю Азию, там остались мои братья. Нас с матерью повезли на Север. Прощание было тяжелым... Если рассказать о дороге, то и через 50 лет вспомнить страшно. Сколько жизней загублено. Умирали от голода, болезней. Думали, что местом ссылки станет Новосибирск или Красноярск, но нет. В Красноярске нас погрузили на баржи и в Туруханск. Остановились в Краснотуранском районе. Там вскорости я и похоронила мать. Кто мы были тогда?

Дети, оставшиеся без отчего дома, без родины, без родителей. Нам было по 15-16 лет, и нас ожидала жизнь на чужбине. Не успели толком обосноваться, как следующий приказ: «Всем собираться для отправки на трехмесячную рыбалку... С собой иметь только смену белья».

Местом рыбалки для меня и еще 300 девушек стал Красноселькуп. Нас привезли работать на рыбный завод. Жили как попало и где попало... Распухшие от укусов комаров и мошки, покрываясь коростой, солили рыбу, вспоминая свою родину на Волге. Врачей не было, лечить заболевших было некому, поэтому умирали многие. Половина кладбища наша... Человеческое отношение за всё время мытарств только и видели от селькупов, помогали они нам всем, чем могли. С той поры уважать стала Владимира Алексеевича Сайготина. Он был постарше нас. Помню, как на фронт его провожали, жену его Груню помню. Не забыла, как с Победой он вернулся, стал председателем колхоза имени Кирова. Господи, как трудно

было всем нам! Изможденные подростки валили лес, вязали плоты... Сил не жалели для фронта, для Победы. Кто бы мог подумать, что нам, выросшим в уютных немецких домах, в скором времени и чум станет в радость...

Многие из нас, в том числе и я, селькупский язык выучили быстро. Чему могли – сами учили селькупов. Так, в тяжелом труде прошли почти три года. Не забыть, как счастливы мы были, узнав о Победе... В честь её состоялось собрание и мы получили подарки... Ими стали 1 килограмм хлеба, 300 граммов сахара и 3 метра ситца...

После войны рыбзавод перевели в Тазовский, я не поехала туда. Некоторые девчата, приехавшие вместе со мной, разъехались: кто в Ратту, кто в Кики-Акки, кто в Часельку. Я одно время тоже жила в Часельке, там встретила своего будущего мужа Павла Фёдоровича Андреева.

Когда был жив один из моих братьев – Иван, мы с ним ездили на свою родину. Дом наш так и стоит. Увидела, сердце защемило. Но нет уже того ухоженного Блюменфилда...

Молодых девушек сразу же отправили на лесоповал

Амалия Егоровна КЛАУЗЕР родилась и выросла в с. Иваново Палатовского района Саратовской области. Жили неплохо, зарабатывали достаток своим трудом и хорошим хозяйствованием. Но началась война и русские немцы были высланы в Казахстан, Сибирь и Север. Молодых крепких немецких девушек и парней отправили на зимнюю рыбалку. Как им объяснили – на несколько месяцев, которые растянулись на годы, десятилетия. Дали 24 часа, чтобы собрались в дорогу. Загнали в грузовые вагоны, и поезд тронулся в дорогу. Ехали несколько суток. Добрались до Красноярска. Там посадили эвакуированных на пароход и выслали на Север. По пути следования некоторых оставили в деревнях по берегам Енисея для работы в местных совхозах. Оставшихся на баржах доставили в Янов-стан, который расположен на реке Турухан, впадающего в Енисей. Еще труднее оказался путь от Янов-стана до Красноселькупа: по малым рекам, по протокам и по болотам – где плыли на лодках, а где тащили их на себе. До сих пор, содрогая, переселенцы вспоминают эти мгновенья – мошка разъедала глаза и лица. После приезда в Красноселькуп девушкам выдали спецодежду и распределили по всем прибрежным селам реки Таз. Амалия попала в Ратту. Около десяти человек поселили вместе. Кроме матери и брата, с ней еще была близкая подруга Клара Фризенгер. Стояла уже зима, и молодых девушек сразу же отправили на лесоповал для заготовки стройматериалов, дров. Условия труда были просто ужасными: лес валили вручную, пилами и топорами, а норма была 2 кубометра в день на человека. С наступлением лета всех отправляли на рыбзавод.

- Выделили нам квартиру без света, отопления, - рассказывает Амалия Егоровна. - Как хочешь, так обустраивайся. Делать нечего, ведь в холоде долго не просидишь. Толпой шли в лес, сами заготавливали дрова. Правда, топор и пилу нам давали. Но сырая древесина плохо горела. Тогда выходили на улицу, находили какие-нибудь палки на растопку. Стружки строгаля, на край печки их складывали. Затем зажигали и при таком свете молниеносно управлялись с домашними делами. На работу нас устроили не сразу. Значит, и одеться, и питаться не на что. Обстановку нужно было менять немедленно. Поэтому и начальники рыбокооп, рыбучастка встретились и решили заключить взаимовыгодную сделку - рыбокоопу отдать на работу одного человека, самого активного, шустрого. Взамен всех эвакуированных обеспечат одеждой и обувью. Предпочли отдать меня. В мои прямые обязанности входило снабжение поселка дровами, так как везде было печное отопление: в конторе, магазине, пекарне...

Не ошиблись в выборе – Амалия как никто другой подходила для таких дел, так как уже имела кое-какой опыт. В Красноярском крае, научилась управлять лошадьми, а у себя дома даже коровы ей подчинялись (там все грузы возили на этих животных). Она и русским языком вполне хорошо владела, можно сказать лучше других немцев. Девушке предоставили двух лошадей, на которых ездила за шесть километров на перевал за дровами, а после обеда - за водой на прорубь.

Работа в тылу сравнима с боями на фронте - невероятно тяжелый труд в изнуряющих условиях, голод, морозы и мошкара – и все это выпало на долю женщин, молодежи и детей. Здесь в районе основная задача тыловиков была добыча рыбы, девушки работали на засольных и на приемных пунктах. Живя на реке, вдоволь наесться не удавалось, каждый «хвост» дорог

для выполнения нормы, а значит и наказания никакого не заработаешь и получишь право отовариться в магазине. Продукты в села завозили по зимнику на конских обозах, стараясь запастись на весь год. Однажды в Ратте закончилась мука, и было принято решение ехать за ней в Красноселькуп. Отрядили по этому делу шесть человек, среди которых была и Амалия Егоровна. До Красноселькупа добрались на лодке, получили ценнейший продукт, и стали собираться обратно. Погрузили муку на плашкоут, установили на нем парус.

- Путь по реке шел против течения, и двигать груз было не просто, - вспоминает Клаузер. - Когда попутный ветер плашкоут сам немного движется, в широких местах реки брали в руки весла, а в основном приходилось тащить баржу на себе. Сделали лямки, и как бурлаки тянули вдоль берега посудину. На ночь останавливаемся на ночлег, сил нет, оглядишься, а еще виден дым с прошлого кострища. К концу пути почти все заболели, особенно страдали ноги - обувь плохонькая, почти босиком идешь, через коряги да шиповник...

- На рыбзаводе не считали за людей приезжее население, - с грустью вспоминает Амалия Егоровна. - В рыбокоопе же более справедливо относились, видели, кто как трудится,

передовых работников нередко поощряли. Однажды на октябрьском празднике в мой адрес прозвучало столько теплых и приятных слов, и даже за добросовестный труд вручили мне телогрейку. Что со мной было тогда - радость переполняла сердце, казалось, нахлынувшему внезапному счастью нет конца. Наверное, большие деньги не такую бы имели для меня ценность как эта вещь, потому что одевать было нечего - парадные наряды у меня совсем отсутствовали.

Год отработала там, и рыбучасток, немного укрепив свои позиции, изъявил желание собрать всех своих переселенцев. Рыбкооп очень не хотел отпускать Амалию. После долгих переговоров, все-таки ее перевели на прежнее рабочее поприще. Трудиться надо было много, чтобы выполнить план. Кто норму не сделает, по поданным данным в магазин урезали суточную часть еды: вместо 700 грамм хлеба получали 200. Не сладко жилось. Спустия какое-то время комиссия приехала с Туруханска, которая немного навела порядок. Руководителей, ведущих неправильную стратегию работы, сняли с должности, назначили новых. И тогда жить стали лучше. После войны отношение к немцам изменилось. Амалию Егоровну потом наградили медалью за трудовое отличие...

Дело под № 35708

Амалия Давыдовна МОРОКОВА (ГЕЙЛЬ) была одной из репрессированных и высланных в Красноселькупский район немцев. Вместе с Кларой Грауберг и братом Егором она попала в с. Тольку Красноселькупского района. Тогда ей было 18 лет.

Два месяца ушло на то, чтобы через реку Худосей и тайгу попасть в Красноселькупский район. Амалия подружилась с селькупами, они помогли ей изучить селькупский язык и выжить. Работы было много: заготавливали дрова, ловили и обрабатывали рыбу, рубили тальник, плели корзины. Она рассказывала что, когда они добывали рыбу, нужна была предварительная подготовка: специальным неводом из веревок доставали со дна реки огромные брёвна. Рыбалка неводом на озере тоже была не из лёгких: протащить сто двадцатиметровый невод в стоячей воде, заросшей травой и водорослями, - очень тяжелый труд. Выпугивать рыбу из сети голыми руками нелегко и летом, а женские бригады рыбачили и зимой. Амалия Давыдовна не любила вспоминать то время, иногда лишь душа не выдержит и с грустью вернётся в прошлое: «Учились и рыбу ловить, да в таких условиях, что это даже страшно представить. В октябре отогревали ноги, заходя в ка-

лошах и обмотках в холодную воду. О каких-то сапогах даже и не мечтали. Учились охотиться, невзирая на лютые морозы». Молоденькие немки освоили подводный лов ондатры, научились добывать белку. Тяжёл и непосилен был труд голодных людей зимой, но и летом было не легче. Много было комаров и мошки. Люди разводили дымокуры везде, голыми руками было невозможно работать. Шили себе колпаки с прорезями для глаз. Если удавалось получить крохотный кусочек марли, то вшивали в колпак напротив глаз и носа.

Амалия Давыдовна находилась в ссылке с октября 1941 года, на неё было заведено дело под № 35708. Она обязана была ежемесячно являться в спецкомендатуру. В 1947 году она выходит замуж за местного жителя, селькупа по национальности - Морокова Карпа Николаевича, участника войны. Выйдя замуж, научилась говорить по-селькупски, причём очень хорошо".

"Мама редко вспоминала о войне, постоянно была занята работой, всегда все успевала, местные считали её своей, - говорит сын Николай. - Она была патриоткой, для неё лучше России ничего не было, за Родину стояла горой. Своего дядю Егора я видел всего один раз, а бабушка и дедушка со стороны мамы так и умерли в ссылке, в Красноярском крае. Она их после расставания больше не видела".

20 февраля 1956 года по решению правительства Амалия была освобождена из спецпоселения.

СПРАВКА

Гражданину/ке/ Мороковой
Амалие Давыдовне
фамилия, имя, отчество

в том, что он/она имеет право на льготы и преимущества, предусмотренные ст. 16 Закона РСФСР "О реабилитации жертв политических репрессий" от 18 октября 1991 года".

